

АНДРЕЙ ВОРОНИН
МАКСИМ ГАРИН

КОМБАТ
ГОРЯЧИЕ ГОЛОВЫ

Комбат

Андрей Воронин

Комбат. Горячие головы

«ХАРВЕСТ»

2010

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Комбат. Горячие головы / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2010 — (Комбат)

ISBN 978-985-16-8448-5

Бывший командир десантно-штурмового батальона Борис Рублев, освобождая похищенного друга, помогает разоблачить преступную группу, наживавшую огромные деньги на строительстве дорог.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-16-8448-5

© Воронин А. Н., 2010
© ХАРВЕСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	40
Глава 12	43
Глава 13	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Воронин, Максим Гарин

Комбат. Горячие головы

© Подготовка и оформление. Харвест, 2010

Глава 1

Вениамин Курилович достал из бара бутылку виски, немного подумал и заменил ее на бутылку обычной русской водки. Если напиваться, так уж традиционным национальным напитком. Было в этом жесте что-то театральное, хотя Куриловичу сейчас было не до внешних эффектов...

Десять лет тому назад он стал совладельцем дорожно-строительной фирмы. Причем почти все деньги в покупку вложил второй совладелец, вклад Вениамина едва достигал десяти процентов. При этом Куриловичу досталась четверть акций свежее испеченной фирмы. Секрет был прост. Вениамин являлся отличным специалистом, на практике доказавшим, что не случайно он закончил институт с красным дипломом. Компаньон Вениамина, сам специалист довольно посредственный, хорошо знал об этом. Еще бы! Они вместе учились и десять лет работали в одном государственном тресте. При этом бывший сокурсник Куриловича обладал потрясающим умением наладить контакты с важными людьми, расположить к себе нужного человека. Похоже, это качество досталось ему в наследство от отца, партийного деятеля среднего уровня, сумевшего под завязку набить карманы при переходе страны от пещерного социализма к дикому капитализму. Большая часть украденных денежек была бездарно растрочена на различные деловые начинания, которые неизменно заканчивались крахом. Ведь и отец и сын по жизни хорошо умели только пускать пыль в глаза. И при этом были крайне самоуверенны. Годы потребовались им, чтобы осознать собственную несостоятельность. Отец к этому времени перенес два инфаркта, ушел на покой и отдал инициативу в руки сыну. Тот впервые принял верное решение, сделав своим компаньоном Вениамина.

Курилович рьяно взялся за работу. Для него открылось широкое поле деятельности. Дела в бывшей государственной компании шли ни шатко ни валко. Руководители среднего звена лучше всего набили руку на хищении имущества с его последующей перепродажей. Рядовые строители подбирали то, чем побрезговало начальство. При этом большинство сотрудников вновь образовавшейся фирмы очень уважали горячительные напитки. Пьянство цвело махровым цветом на всех уровнях. Нет работы – можно скоротать время за бутылочкой горькой. Появилась работа – надо обязательно отметить это дело. Ну и праздники, а также пятницы – само собой.

Вениамин, поначалу сознательно державшийся в тени компаньона, как-то инкогнито наведаль своих подчиненных. Дело было во второй половине дня. Фирма как раз получила небольшой подряд на ремонт трассы. До обеда строители обозначили фронт работ, оценили его объем и в хорошем расположении духа принялись обмывать новый заказ. Благо дорога находилась на выезде из города, с одной стороны маняще шелестела листвой березовая роща, где и засели дорожники в полном составе.

Оказавшись на объекте, Курилович поначалу здорово удивился. Техника стоит, а люди отсутствуют. Можно подумать, что их штат состоит из невидимок. Хотя нет. Если бы рабочие были невидимками, ездили бы машины, гремели отбойные молотки. А тут царила тишина. Словно злой волшебник унес всех людей в тридцатое царство.

Впрочем, приученный к советской действительности, Вениамин быстро опомнился. Он не стал пенять на коварного чародея, а просто осмотрелся и прислушался. Через минуту Курилович обнаружил место сбора своих подчиненных. Банкет набирал обороты. Люди еще членораздельно произносили тосты, но уже были навеселе. Появление «постороннего» они восприняли по-разному. Одни пробурчали что-то вроде «шляются тут всякие», а другие предложили незнакомцу присоединиться к их компании. Разнобой мнений тут же превратился в дружное единение, стоило Вениамину намекнуть, что рабочее время существует вовсе не для потрепле-

ния алкоголя. Раздались возгласы: «А ты кто такой?» – и несколько самых рьяных строителей привстали, чтобы кулаками ответить Куриловичу на его неуместное замечание.

– Кто я такой? – громко переспросил Вениамин и быстро ответил, предотвращая физическую расправу: – Второй хозяин этой фирмы. Еще вопросы есть?

Боевой задор драчунов мигом испарился. Строители были еще достаточно трезвы и легко догадались, чем им грозит избиение работодателя. Воцарилось молчание.

– Хорошо. Тогда вопросы есть у меня, – еще повысил голос Курилович. – По какому случаю пьянка? Или вы думаете, что все еще получаете деньги из государственного кармана? Надеетесь большую часть времени проваливать дурака, а под конец устроить аврал и сделать работу тяп-ляп, как бог на душу положит? Тогда зарубите себе на носу: у нас частная фирма, которая помимо прочего обязана зарабатывать себе репутацию. Это вопрос жизни и смерти. Любой, кто думает иначе, прямо сейчас может написать заявление об увольнении по собственному желанию. В противном случае он будет уволен с волчьим билетом. А теперь я хочу вместе с бригадирами осмотреть фронт работ.

Тут же поднялись три человека. За ними на некотором удалении потянулись остальные строители. Курилович подошел к дороге, осмотрелся и высказал свои замечания. Сделано это было в первую очередь для того, чтобы подчиненные убедились в его высокой квалификации, отличном знании предмета. Пусть абсолютно точно знают, что Вениамина не проведешь на мякине, ему не запудришь мозги. Он шутя обнаружит халтуру и строго накажет виноватого.

Так началась борьба Вениамина за создание лучшей в районе, образцовой строительной фирмы. Он и дальше использовал практику внезапных инспекций, частенько подъезжая к месту работ на общественном транспорте. Застигнутых в нетрезвом виде строителей он безжалостно увольнял. Таким образом ему удалось искоренить пьянство на рабочем месте. Но он никак не мог повлиять на свободное время подчиненных, и многие являлись на стройку в состоянии жуткого бодуна. Самые горячие поклонники зеленого змия рано или поздно тоже увольнялись.

А еще Куриловичу удался редкий в отечественной практике ход. В фирме появилось два немца – бригадир и обычный дорожный строитель. Возможно, это были далеко не лучшие в Германии дорожники, да и возможно, когда их нашли, они сидели без работы. Но при этом немцы являлись примером для остальных строителей. Их дисциплина и подход к работе казались недостижимым идеалом для русского человека. Курилович всеми способами подтягивал своих работников к этому идеалу. Многими пришлось пожертвовать, через три года от первоначального коллектива осталось чуть больше четверти, зато Вениамин добился поставленной цели. Их фирма стала лучшей в области.

Его компаньон тоже знал свое дело туго. Благодаря его стараниям фирма была всегда обеспечена заказами. Хотя одно старание здесь бы не помогло. Курилович не переставал удивляться тому, как обильно государственные деньги липнут к рукам государственных мужей. И не мог понять: отчего в России так вольготно живет ворами и казнокрадам? Почему допускается такое откровенное, всем очевидное мошенничество с народными деньгами? И ему постоянно вспоминалась реакция обоих немцев, когда они услышали, что километр построенной дороги стоил десять миллионов евро.

– О! – воскликнули швабы, не сговариваясь. – Это должна быть очень хорошая дорога, супер хай-вэй, зеер гуд!

– Да ничего особенного, дорога как дорога, – охладил их пыл Вениамин.

– Неужели? Тогда где ее прокладывали? В горах или в вашей вечной мерзлоте?

– Прокладывали ее здесь, на среднерусской равнине. Да вы сейчас увидите.

И немцы увидели дорогу. А Курилович увидел в их глазах абсолютное непонимание. Потому что один километр равнинной дороги в Германии стоит вдвое дешевле, а сама дорога делается на порядок лучше. Ну как он мог объяснить иностранцам, что самое дорогое в оте-

чественных дорогах не работы и не стоимость материалов, а денежные откаты разжиревшим чиновникам? На это уходит не меньше половины суммы, выделенной государством на прокладку автомагистрали. Откаты являлись определяющим звеном в отлаженной системе тендеров, где роли заранее распределены и каждый участник знает свое место. Тендеры, задуманные как способ конкурентного удешевления строительства и повышения его качества, давным-давно превратились в дешевый фарс, убогий спектакль с заранее предрешенным финалом.

Откровенно говоря, владельцы строительных компаний себя тоже не обижали. В конечном итоге на долю каждого из них приходилось заметно больше, чем на отдельного чиновника, потому что чиновников, среди которых распределялись откаты, было много, а владельцев строительных фирм мало. Неудивительно, что Курилович и его компаньон превратились в состоятельных людей. При этом, кроме денег, они сумели заработать репутацию хороших, насколько это возможно в России, дорожников.

Поэтому их фирме поручили строительство важного объекта – магистрали к новой правительственной резиденции, единственной в их области. Знали, что никто лучше не справится с возложенной задачей.

И они проложили дорогу европейского уровня. А напарник Куриловича подружился с важным правительственным чиновником. Эх, лучше бы он этого не делал! Чиновник настолько проникся симпатией к новому знакомому (или, наоборот, втайне возненавидел его), что вздумал продвинуть на московский рынок дорожного строительства.

– Нашим столичным живоглотам и не снилось то качество работ, которого достигли вы, обычные провинциалы. Президент требует активно выдвигать таких людей в первые ряды отечественных бизнесменов, – однажды сказал он.

И выдвинул. Да так, что мало не показалось. Они еще только готовились к завоеванию столицы, когда неизвестный позвонил компаньону Вениамина.

– Берегите здоровье! Сидите в своем Мухосранске и не высовывайтесь, – раздалось в трубке.

Компаньон, вернувшийся с банкета и оттого малость утративший чувство самосохранения, успел ответно бросить:

– А кто ты такой? Я тебя не знаю. Может, ты кусок дерьма собачьего. Воняешь тут и думаешь меня испугать.

– Ладно, еще поговорим, – в трубке раздался короткий смешок.

На следующий день произошел несчастный случай. Действительно несчастный, компаньона не хотели убивать, только напугать. За городом тяжелый джип подрезал его «вольво». Место преступники выбрали самое подходящее. С обеих сторон дороги шла гладкая равнина. Учитывая знаменитое качество шведских легковушек, напарник в худшем случае отделался бы переломом-другим. Но случилось непредвиденное: машина загорелась. Увы, не перевелись еще и в Швеции бракоделы. Компаньон, пристегнутый ремнями и зажатый подушками безопасности, слишком долго выбирался из машины. В жутких мучениях он умер на операционном столе.

Но для людей, которым фирма перешла дорогу, его смерть явилась лишь досадным недоразумением, рядовой осечкой, без которых невозможна постоянная борьба за большой куш. Лес рубят – щепки летят. Преступники моментально переключились на Куриловича. Вениамину намекнули, что компаньон неслучайно оказался на обочине дороги в горящем автомобиле. Это может произойти с каждым, кто раскатает губу на жирные столичные подряды. Таковы, как говорятся, законы бизнеса.

Сначала Куриловича захлестнул гнев. Так вот что, оказывается, произошло с напарником! Его убили! Не исключено, что Вениамин сейчас разговаривает с убийцей! И у того еще

хватает наглости обращаться с подобными предложениями к другу человека, умершего мучительной смертью! Он за это поплатится!

К счастью, до того, как с его языка сорвались проклятия, Курилович опомнился. В голове молнией промелькнула здравая мысль: если они открыто звонят после убийства, связываться с ними опасно.

– Позвоните мне завтра, я должен все хорошенько обдумать, – сказал он и отключился.

Для принятия решения ему хватило одной минуты. Чего зря мучить голову, когда все ясно? До Вениамина доходили слухи о столичных подрядах, на порядок превосходивших провинциальные. Имея такие бабки, можно нанять дивизию головорезов и без колебаний отправить их на дело ради таких же бабок в будущем. Так что любой ответ Куриловича ничего не изменит на рынке московского дорожного строительства. Просто «нет» будет стоить Вениамину жизни. А еще они могут начать с жены или ребенка. Убьют, позвонят и спросят: «Ну, теперь ты согласен или снова озадачить киллера?»

Курилович подошел к бару, достал бутылку виски, затем сменил ее на бутылку водки и с хрустом свинтил пробку. Впервые за многие годы он нарушил свое железное правило – не пить в рабочее время.

Глава 2

В отличие от Куриловича Илья Фридрихович Тумасов не имел специального образования, хотя тоже владел дорожно-строительной компанией. Времени не было, да и желания. Отец, родившийся в те годы, когда в моде оказались не только Карлы и Фридрихи, но даже Коминтерны и, не приведи господи, Даздрапермы, слабо соответствовал гордому имени одного из вождей мирового пролетариата. За свою жизнь он имел две судимости (одну условную, вторую реальную) и верил исключительно в закон кулака. Поэтому сына товарищ Фридрих определил в секцию бокса. И когда Илья приходил домой с разбитым носом, отец выдавал коротенькую одобрительную речь, смысл которой можно передать знаменитыми словами: «Правильной дорогой идете, товарищи!»

И Илья шел и шел этой дорогой, к шестнадцати годам выполнив норматив кандидата в мастера спорта. В наследство от родителей ему досталась крупная фигура, и он выступал в тяжелой весовой категории. То есть завет отца молодой Тумасов полностью воплотил в жизнь. Еще чуть-чуть, и он бы принялся кулаками завоевывать свое место в жизни, но тут произошло событие, перевернувшее сознание Ильи. Отец вернулся с отсидки. Папаша хорохорился, но юноша видел, что на зоне ему довелось несладко. Как-то в пьяном откровении отец подтвердил догадки сына. Вонючие бараки, холода, дрянная баланда вместо человеческой еды, тяжелая работа на лесоповале – такой уголовной романтики Илюше совсем не хотелось. Как не хотелось и служить Родине. Вот только с учебой было совсем швах! Настолько плохо, что даже звание кандидата в мастера не гарантировало поступление в институт физкультуры. Когда дело касалось его skóry, юный Тумасов соображал даже очень хорошо. Он взялся за учебники, многие из которых не раскрывал целую учебную четверть. И к окончанию школы он имел аттестат, вполне достойный будущего физкультурника.

Увы, в институте Илья оказался рядовым студентом, без привилегий, которые давали спортивные достижения. Такие достижения здесь были почти у каждого. На особом счету были лишь чемпионы Европы, мира и особенно Олимпийских игр. Им почти гарантировалось хорошее трудоустройство. Прочим для более-менее светлого будущего требовалось хорошо учиться. Вот с этим у боксера, за свою короткую жизнь схлопотавшего столько ударов по голове, что их бы хватило доброй сотне человек, имелись проблемы. Это только кажется, что спортивная наука проще пареной репы. На самом деле для воспитания чемпиона нужны знания психологии, биологии, химии и еще много чего. И чем глубже эти знания, тем лучше. Хотя не всем растить чемпионов. Можно работать обычным тренером, тупо используя кальку методик, наработанную более знающими коллегами лет десять или двадцать тому назад. Но и обычное тренерство светило только студентам с хорошей успеваемостью. А Тумасов плелся в хвосте и молился Богу на свою московскую прописку. Без нее он мог оказаться в каком-нибудь Коми-Пермяцком национальном округе, а попал в школу на улице Байкальской. Тоже не близкий свет, окраина Москвы, но туда хоть можно добраться на метро, а не на самолете. И пусть оптимисты, вместе с распределением вытащившие билет в Норильск или Хабаровск, утверждали, что провинциальные дети еще знакомы с послушанием, а москвичи совсем распустились и ими невозможно управлять, Илья слушал эти речи снисходительно. Одного его вида достаточно, чтобы ученики были как шелковые.

Шесть лет Тумасов проработал учителем физкультуры. Почему-то он часто вспоминал эти годы с умилением. Скорее всего, потому, что тогда Илья был молод. Ведь что в них было хорошего? Если разобраться – ни-че-го! Одна дорога ежедневно занимала почти три часа. И потом изо дня в день, из года в год одни и те же упражнения, одни и те же занятия. Скукота! Коллективчик, опять же, подобрался специфический. Из мужиков только слишком заумный учитель физики и трудовик предпенсионного возраста. Какие у них с Тумасовым

общие интересы? О женщинах разговор отдельный. Всем им перевалило за тридцать. Единственное исключение – его напарница, учительница физкультуры, двадцати семи лет от роду и мастер спорта по гребле. Детишки боялись ее больше Ильи. Он мог только грозно рыкнуть, а она порой награждала особо отличившихся подзатыльником. Почувствовав на себе ее тяжелую руку, даже самые рьяные озорники становились тише воды, ниже травы.

Лицом физкультурница тоже не вышла. Поэтому Тумасов обращался с ней исключительно как с коллегой по работе. В общем, куда ни кинь – везде клин. Но спустя многие годы учительство казалось Илье Фридриховичу чуть ли не благодатью. Ну, если разобраться, где-то так оно и было. Главное – уследить, чтобы какой-нибудь шалопай не свернул себе на уроке шею. А в остальном – спокойная, размеренная работа, не требующая ответственных решений, от которых иногда зависит твое будущее, и устоявшаяся жизнь, предсказуемая на годы вперед.

Уволившись из школы, Тумасов не знал, что будет завтра. Поскольку стал он челноком. Илью Фридриховича сманил знакомый, тоже учившийся в институте физкультуры. Тумасов благоразумно выждал до конца учебного года, а отпуск посвятил шоп-турам. Он убедился, что возить заграничное тряпье куда прибыльнее, чем работать в школе. Илья Фридрихович уволился и целиком посвятил себя новой деятельности. Движение челноков тогда лишь набирало силу, свободных ниш хватало. К тому же у Тумасова совершенно неожиданно для него самого открылась предпринимательская жилка. Он чувствовал спрос, мог предсказать его и опередить конкурентов. Помогла и спортивная закалка, сила и выносливость, которыми могли похвастать далеко не все челноки. На первом этапе это имело большое значение. Тот же спорт приучил Илью Фридриховича к здоровому образу жизни. Многие челноки после удачного вояжа надолго припадали к бутылке. Русские люди, странно, если бы было иначе. Тумасов к спиртному относился без фанатизма. Мог позволить себе выпить грамм триста за компанию и этим ограничивался. Он больше преуспевал по женской части. Но до поры до времени.

Здесь опять следовало вспомнить добрым словом бокс. Тренер настойчиво учил молодого Илью ставить перед собой конкретные цели и упрямо их добиваться. Его уроки не пропали даром. По большому счету челночество напоминало бокс. Здесь тоже имелись свои ступеньки, словно спортивные разряды, поднимающие статус человека. Илья Фридрихович начал упрямо карабкаться по этим ступенькам, для чего ему потребовался надежный тыл, понимающая и работающая жена. Перебрав немало вариантов, Тумасов сделал окончательный и, надо признать, весьма удачный выбор. Молодая супруга всецело разделяла его планы, помогая мужу и словом и делом. Еще до свадьбы Илья Фридрихович поставил на рынке несколько ларьков, а вскоре открыл свой первый магазин. Время было лихое, тут же нарисовались бандиты, обложившие бизнес Тумасова данью. Поначалу Илья Фридрихович сильно возмущался. За что платить, как вообще у вымогателей хватает наглости требовать чужое? Будь его воля, он бы этим соплякам все кости переломал!

Увы, кулаками горю не поможешь. У сопляков в карманах лежали стволы, делавшие бесполезным умение посылать противника в глубокий нокаут. Пришлось смириться. К счастью, главарь рэкетиров оказался человеком сообразительным и терпеливым. Тумасову опять повезло.

Не перечесть, сколько жизней безвременно оборвали бандитские пули, сколько разорилось начинающих предпринимателей лишь из-за чрезмерной жадности рэкетиров, хотевших все и сразу. Не давая бизнесменам толком подняться на ноги, они угрозами и пытками тянули из них деньги, обирая до нитки. Бандит, «крышевавший» Илью Фридриховича, мыслил дальними перспективами. Даже слишком дальними для человека, жизнь которого может оборваться в любой момент. Но ему тоже повезло. Годы шли, а тандем предпринимателя и вымогателя существовал в том же составе. Прежней оставалась и доля за «крышу». Изменились только суммы выплачиваемых денег, поскольку к магазину Тумасова прибавился сначала вто-

рой, потом еще один, и еще, и еще. Через семь лет Илья Фридрихович владел небольшой торговой империей. Хотя нет, до империи он недотягивал. Скорее это было торговое княжество.

После дефолта начался очередной передел собственности. Тумасову и его «крыше» пришлось туго. На горизонте нарисовался зубастый конкурент, которого кризис лишил большинства источников доходов. Назревала война. И тут по совету хорошего знакомого, занимавшего ответственную должность в мэрии, Илья Фридрихович еще раз круто поменял свою жизнь. Продав часть магазинов, он купил на аукционе государственную дорожно-строительную компанию. В те годы покупка казалась весьма сомнительной. Обнищавшему государству было не до дорог. Ну кто бы мог тогда предсказать стремительный рост цен на нефть?

Несколько лет новое приобретение Тумасова едва обеспечивало собственное существование. Илья Фридрихович утешал себя тем, что после дефолта всем стало хуже. Ему еще не так плохо. Жил он в шикарной квартире, недавно сменил пресловутый шестисотый «мерседес» на «лексус», ежегодно вместе с женой и сыном отдыхал на престижных курортах. Тумасов даже представить себе не мог, что произойдет уже в ближайшем будущем.

Как известно, в России две беды: дураки и дороги. Здраво рассудив, что в пьющей стране избавиться от первой беды невозможно, правительство решило пободаться со второй бедой. Благо в страну набирающим мощь потоком хлынули нефтедоллары. Едва через кремлевскую стену просочились слухи о суммах, которые государство решило потратить на приведение дорог в порядок, оживились дорожники и связанные с ними чиновники. А тут еще добавил оптимизма «властелин колец», столичный мэр, активно взявшийся за реконструкцию московских дорог. Цена вопроса на единицу расстояния поначалу уступала европейской и американской. Дорожники принохивались, присматривались, оценивали ситуацию. Но затем тихой сапой все это переросло в разбойничью вакханалию.

«Нам Европа не указ!» – под этим девизом дорожники и чиновники бросились рьяно обогащаться. Им могли позавидовать даже нефтебароны. Кое-где стоимость одного километра дороги доходила до немыслимой суммы в сто миллионов долларов.

С легкой улыбкой Тумасов вспоминал то время, когда он мысленно корил себя за глупое приобретение. Теперь магазины, некогда являвшиеся основой его благосостояния, стали для него чем-то вроде игрушки. Побаловался сам – отдал жене, раньше бывшей у него на подхвате. Дороги, для большинства россиян являющиеся источником бед, оказались для Ильи Фридриховича настоящим золотым дном.

Глава 3

Он не был в Москве четверть века, с того дня, как восемнадцатилетним салажонком явился на призывной пункт. Возвращение для него стало настоящим испытанием, проверкой чувств. В аэропорту он взял такси и отправился в гостиницу, где ему забронировали номер, с любопытством рассматривая из окошка кардинально изменившийся город. Нельзя сказать, чтобы новая Москва ему очень понравилась. Скорее она вызвала у него ассоциации со столицей какого-то могущественного варварского племени, завоевавшего полмира и собравшего в своем главном городе материальные ценности покоренных народов. Все вперемешку: архитектура европейская, американская, азиатская, еда французская, итальянская, китайская, машины немецкие, американские, японские. Все растворено в одном подозрительном на вид коктейле.

– Бушуев Дмитрий Петрович, – служащий отеля бегло пролистал его паспорт. – Ваш номер триста одиннадцатый на третьем этаже.

Он поднялся на третий этаж и воочию убедился в справедливости слухов о жуткой московской дороговизне. В американской глубинке, где он провел достаточно времени, похожий номер стоил бы как минимум в два раза дешевле. Он разобрал вещи и переделался. Хотя из-за разницы часовых поясов у него в Окленде сейчас была глубокая ночь, любопытство оказалось сильнее желания спать. Он вышел на улицу...

Дима Бушуев родился в маленьком российском городке, куда волею судьбы забросило его отца. Там отец женился, получил квартиру, поучаствовал в рождении двоих детей и запил. Сперва один, а потом на пару с женой, сначала пытавшейся бороться с пагубным пристрастием мужа, а затем как-то незаметно составившей ему компанию. В таких условиях дети были предоставлены сами себе. Димина старшая сестра каким-то чудом избежала традиционной участи отпрысков родителей-алкоголиков. Возможно, потому, что мать сорвалась, когда ей уже было четырнадцать лет. Девочка хорошо окончила школу, уехала в областной центр и поступила там в институт. Все прелести существования с пьющими родителями довелось испытать ее брату. Отец с характерным для алкоголиков переменчивым настроением то ласкал сына, то избивал его до потери сознания. Еда в доме появлялась редко, и ее приходилось самым настоящим образом красть, пока ее не употребили на закуску. Денег не было даже на дешевый школьный костюм, и Дима умудрился проходить в одном со второго класса до четвертого. И тут, наконец, подключилась общественность. Забили тревогу, лишили отца с матерью родительских прав.

Диму забрала к себе бабушка. О ней надо сказать особо. Жила она в Москве, но живо интересовалась всем происходящим в семье Бушуевых. Приезжая, бабушка снабжала внука деньгами, спасавшими его от голода. Несколько раз она пыталась забрать Диму к себе, но отец с матерью решительно противились этому. А подать в суд на родного сына бабушка так и не решилась. За нее это сделали другие люди.

В Москве жизнь ребенка кардинально изменилась. Бабушка когда-то работала швеей в спецмастерских. Эти мастерские обслуживали партийных бонз, их жен и детей. За десятилетия работы она скопила много денег. Кое-что осталось от скоропостижно умершего мужа. Кроме того, бабушка до сих пор помогала выполнять особо сложные заказы обычным ателье. Хотя ее зрение сильно ослабло, уникальное мастерство осталось прежним. Теперь Дима всегда был сыт и ходил в приличной одежде. Только со школой возникли серьезные проблемы. Нет, одноклассники приняли его нормально, да и годы суровой жизни научили мальчика постоять за себя. Но он слишком много пропустил, живя с родителями, и теперь ему было сложно наверстывать упущенное.

А бабушка хотела видеть внука образованным человеком. Она пыталась контролировать Димину учебу, нанимала дорогих репетиторов. Но, как говорится, не в коня корм. После маленького городка столица показалась Диме раем для мальчишек. Соблазны подстерегали

здесь на каждом шагу. Уютные кинотеатры, кафе-мороженые, игровые аттракционы, а чуть позже танцплощадки интересовали подростка гораздо больше учебы. Бабушка попыталась на этом сыграть. Она материально поощряла внука за успехи в школе. Кончилось это плачевно. Дима навострился мастерски подделывать оценки в дневнике. Целую четверть он пудрил старушке мозги, демонстрируя четверки и пятерки. Но в один прекрасный день бабушка наведлась в школу. Обман раскрылся. Для старушки это потрясение закончилось инфарктом. Еще через три года, когда Дима заканчивал десятый класс, бабушка умерла. Она успела написать завещание, по которому все ее накопления достались внуку. С жильем дело обстояло сложнее. Видимо, кто-то посчитал, что слишком жирно для молодого парня одному занимать двухкомнатную квартиру. Как несовершеннолетнего, его попытались определить в детский дом. Спасло вмешательство бабушкиного знакомого, сумевшего отстоять права подростка. Хотя в долгосрочной перспективе это оказалось напрасными хлопотами. После безуспешной попытки поступить в вуз юноша пополнил ряды пролетариата. Монотонный физический труд благотворно повлиял на образ мыслей молодого человека. Три месяца простояв у станка, он понял, насколько права была бабушка. Только высшее образование гарантирует интересную творческую работу. Дима уволился и устроился на полставки лаборантом в НИИ. Свободное время он хотел посвятить штудированию школьной программы. Но – молодость, молодость. Денек полистав нудные учебники, юноша отложил их в сторону.

«Зачем сейчас учить, если за два года в армии я все забуду», – нашел он себе оправдание. И по большому счету оказался прав. В военкомате изучили личное дело призывника Бушуева, сообразили, что за фактического сироту никто хлопотать не будет, и отправили Дмитрия сначала в учебку, а оттуда напрямиком в Афганистан.

Вопреки утверждениям некоторых офицеров, несших службу за несколько тысяч километров от театра боевых действий, афганская война мало напоминала легкую прогулку. Жителей азиатского государства было легче уничтожить, чем покорить. По роковому стечению обстоятельств молодой солдат угодил в настоящую кровавую мясорубку. Дважды только чудо спасало его юную жизнь. Сначала рота Бушуева угодила в засаду. В ее состав входили молоденькие солдатики, постигавшие искусство войны на теоретических занятиях. Они стали легкой добычей для закаленных в многолетних боях душманов. К счастью, на помощь роте явились части десантно-штурмового батальона. Бушуеву на всю жизнь запомнился гигантского роста сержант Андрей Подберезский, застреливший душмана, который, вынырнув словно из-под земли, оказался в трех шагах от Дмитрия и с торжествующей ухмылкой вскинул автомат Калашникова. Опоздай Подберезский хотя бы на секунду, Дмитрий бы наверняка расстался с жизнью. Кроме Подберезского, Бушуев запомнил командира батальона майора Рублева. Именно благодаря его решительным действиям рота была спасена от полного уничтожения.

Во второй раз людей, подобных Рублеву и Подберезскому, рядом не оказалось. Рота, пополненная такими же зелеными, необстрелянными бойцами, была взята в кольцо при зачистке горного кишлака. Едва офицеры поняли, что наводка была ложной и жители покинули кишлак, роту начали обстреливать из гранатометов и легких орудий. Били с четырех сторон, буквально сметая все живое. Потом душманы занялись тем, что собирались делать русские, – зачисткой. Около десятка солдат было взято в плен, остальных хладнокровно зарезали. Бушуеву, раненному в руку, повезло. Он оказался среди пленников. Будь ранение в ногу, его бы ждала верная смерть. Американский инструктор чем-то выделил Дмитрия среди остальных пленников. Ему показалось, что у Бушуева типичное лицо русского человека. Дмитрия не стали пытать, не требовали, чтобы он помогал воевать против своих. С ним тихо-мирно побеседовали. Спросили, готов ли он добровольно уехать в Америку и там рассказывать о тяжелой жизни советских людей. Идиотский вопрос. Да Бушуев был готов убраться хоть к черту на рога, лишь бы подальше от головорезов в потных халатах, всегда готовых прикончить любого советского солдата.

Но не все было так просто. Дмитрия отправили куда-то на границу Афганистана и Пакистана. Там в учебном лагере шла серьезная подготовка афганских бойцов. Там же осуществлялся новый американский проект. Ради него отобрали двадцать пленников и привезли средних лет женщину. Как оказалось, графиню, чьи родители сразу после революции эмигрировали в США. Графиня учила пленников английскому языку. Для ускорения процесса хитрые американцы пообещали отдать худшего ученика душманам.

Дмитрий и не подозревал у себя таких способностей к языкам. Через три месяца каторжной зубрежки он уже понимал английскую речь и сам мог худо-бедно изъясняться. Бушуева переправили в США, без проволочек выдали зеленую карту. Месяц повращавшись в англоязычной среде, он заметно улучшил свою речь. Конечно, она была далека от идеала, но координаторы проекта к этому и не стремились. Если русский пленник заговорит на чистейшем английском языке, ему никто не поверит. А говорил Дмитрий о жизни советского гражданина, причем правду и только правду, которая, если зайти с другой стороны, была ложью, поскольку он ни разу не упомянул о бесплатной медицине (впрочем, за такую медицину было грешно платить), бесплатном жилье и некоторых других достижениях советской власти. При этом никто не мог упрекнуть его в обмане. Живем бедно? Да. Давимся в очередях за элементарными вещами? Ежедневно. Лишены достоверной информации? Целиком и полностью. Можем только мечтать о поездке за границу? Так уже и мечтать перестали.

Несколько месяцев Бушуев колесил с гастролями по Северо-Западным штатам, пока интерес к нему полностью не угас. После этого Дмитрия вышвырнули, как ненужную вещь. Типа мы тебе жизнь спасли, только за это ты должен на нас молиться. Не считая такой «мелочи», как вид на жительство. Два года он мыкался, перебиваясь случайными заработками, и при этом не расставался с учебниками. Те в общей сложности шесть месяцев афганского плена перевернули его сознание, а многочисленные соблазны, окружавшие в Америке со всех сторон, добавили целеустремленности. Бушуев решил поступить в строительный университет, поскольку это был единственный бесплатный вуз, который он знал. Дмитрий выучился на дорожного инженера и почти сразу устроился на работу. Правда, для этого ему пришлось отправиться в другой город. Там он встретил Аманду, женился, купил в кредит собственный дом.

Шли годы. Бушуев из начинающего инженера превратился в ценного работника с большим окладом и солидным положением в компании. Однажды его вызвал хозяин фирмы и неожиданно спросил:

– Кажется, вы русский?

Дмитрий не стал отрицать этого очевидного факта.

– Очень хорошо. Вы бы хотели навестить свою родину?

– Я иногда подумываю об этом. Раньше меня бы расстреляли как изменника, но сейчас все изменилось, мне нечего бояться. Вот только жена категорически против. Ей жалко тратить отпуск на такую экстремальную, с ее точки зрения, поездку.

– Я неслучайно задал свой вопрос. У меня для вас есть серьезное поручение. Россия – очень заманчивый рынок для дорожников. У меня там появился знакомый, работающий в правительстве. По его словам, у нас есть шансы получить хороший подряд. Я хочу, чтобы вы поехали туда и на месте разведали ситуацию.

– И это все, что от меня требуется? – удивленно спросил Бушуев.

– В идеале хотелось бы, чтобы вы вернулись сюда с конкретными договоренностями, – разрушил его иллюзии шеф.

Глава 4

Тумасов с такой силой сжал паркеровскую ручку, что раздался тихий хруст.

– Черт бы побрал эти совковые атавизмы, – бросил он вслух, добавив крепкое словцо.

Сравнительно недавно Илье Фридриховичу достался подряд на строительство дороги, часть которой проходила по заказнику. Тумасов лично съездил туда и вернулся в полном восторге. Какие дивные места, можно сказать, образец красоты русской природы! Все есть: и лес с настоящими корабельными соснами, и живописная речушка, и аккуратное лесное озеро, и даже маленькая березовая роща.

У Тумасова как-то сразу возникло желание стать хозяином хотя бы частички этого чуда. Тем более что на этом можно заработать хорошие деньги. И не то чтобы у Ильи Фридриховича неожиданно возникла катастрофическая нехватка финансов. Просто он уже где-то инстинктивно старался заработать на всем, что подворачивалось.

Тумасов слегка пошевелил извилинами, и у него родилась гениальная идея. Обычно вдоль дороги шла полоса отчуждения шириной десять метров. В зависимости от обстоятельств ее размеры менялись. Так почему бы не увеличить полосу до ста метров? Это не жалкие десять метров, тут можно развернуться, как душа пожелает. И себе взять, и выставить на продажу. Матерые юристы компании помудрят и напишут такое обоснование, разобраться в котором сможет лишь такой же юрист. А все эти крючкотворы – продажные людишки, любого можно купить с потрохами.

И что характерно. Когда Тумасов узнал, что в Китае за убийство уссурийского тигра полагается смертная казнь, он рассудительно заметил:

– Ну и правильно. Уссурийских тигров в мире осталось несколько сот, а китайцев больше миллиарда. Понятно, что жизнь тигра гораздо ценнее. И вообще природу надо беречь любыми способами, а то превратим ее в окружающую среду.

Но едва дело коснулось его собственных интересов, Илья Фридрихович поступил с точностью до наоборот.

Юристы компании помудрили, и все бумаги легли на стол очередного чиновника. А вскоре их копия оказалась в обществе охраны природы. Какая-то сволочь из управленческого аппарата подсуетилась! Любители природы тут же подняли вой. Мол, совсем доморощенные толстосумы распоясались. Любыми правдами и неправдами норвят прибрать к рукам все лучшее, чем так щедро природа наградила Россию-матушку. Вбили себе в головы, что деньги могут решить любую проблему. Надо вообще разобраться, почему дорогу прокладывают через заказник. Кто разрешил? Неужели так сложно обогнуть его, не тревожить заповедные земли?

Начали писать бумаги в различные инстанции. Но там же в основном свои люди сидели, прикормленные. Они дружно отвечали:

– Ничего не знаем, для решения подобных вопросов есть суд.

Использовал Тумасов и хорошо проверенный способ, попытался, как он выражался, договориться деньгами. Заслал к природолюбам самого пройдошистого и медоречивого из своих юристов. Вернувшись, тот лишь развел руками:

– Не берут.

– Как «не берут»? – потрясенный Илья Фридрихович нервно вскочил на ноги. – Они же нищие как церковные крысы! Такие должны брать. Небось ты им мало предложил.

– Да я вообще не успел назвать сумму, – возразил юрист. – Дело было так. Пришел я, огляделся. «Скудная у вас обстановочка, – говорю. – Давно пора сделать капитальный ремонт. Если хотите, можем устроить. Да что ремонт! Это мелочь! У нас есть куда более заманчивые предложения». Думаете, они хоть на секунду заинтересовались этими предложениями? Ничего подобного. Тут же начали выяснять, кого я представляю. Я сначала уклонялся от конкретики.

Мол, какая вам разница, кого я представляю. Куда важнее, что вы будете с этого иметь. А они опять за свое: «Мы должны знать, кого вы представляете и что вам от нас надо». Я по своему прежнему опыту решил, что они хотят определиться с ценой вопроса, говорю: «Расслабьтесь, вас не обманут. Будете довольны».

Тут юрист сглотнул и вытер со лба капельки пота.

– И что дальше? – нетерпеливо спросил Илья Фридрихович.

– А дальше один из них заявил, что они видят меня насквозь и не надо им совать мои паршивые деньги. Мол, до меня их сотни раз пытались подкупить, и ничего из этого не вышло. Понимаете, Илья Фридрихович, я в это время пристально изучал их лица. Хоть бы один человек дал слабину, каким-нибудь жестом дал понять, что он согласен договориться. Нет, все они с какой-то извращенной радостью отказывались от денег. Им, видите ли, нетронутая природа дороже!

– Ладно. Тогда будем судиться, – хладнокровно сказал Тумасов.

Его юристы тщательно подготовились к процессу. Свое выступление главный крючкотвор компании начал с того, что подчеркнул государственную важность строящейся магистрали. Он привел цифры. Из них следовало, что дорога значительно облегчит путь из Москвы в один из областных центров. Благодаря ей существенно уменьшатся затраты на перевозку грузов и только за год экономия составит несколько десятков миллионов долларов. Кроме того, гораздо проще станет отечественным автолюбителям. Они получают современное шоссе, ехать по которому одно удовольствие. Но дело не только в удобстве. Все знают, что существенный процент автомобильных аварий, в том числе со смертельным исходом, происходит из-за отвратительного состояния дорог. Новая магистраль исключит подобные ситуации, поможет спасти человеческие жизни. А это вообще нельзя измерить никакими деньгами. Можно ли из-за каких-то мелких недоразумений задерживать осуществление проекта, а тем более запрещать его? Да, охрана природы – дело важное, однако нельзя ставить ее выше общественных потребностей, благополучия людей. Что же касается заказника, то здесь весьма специфические условия местности, которые требуют особой подготовки.

Тут юрист начал приводить цифры и сыпать терминами, которые человеку без специального образования понять было так же реально, как обезьяне научиться ставить детский мат гроссмейстеру. Судья, даже не пытаясь вникнуть в эту галиматью, предоставил слово независимому эксперту.

Хотя эксперт назначался вроде бы тайно, люди Тумасова успели с ним поработать. Он в основном подтвердил выкладки юриста, сделав лишь одно замечание:

– К сожалению, у меня не было возможности лично осмотреть спорную территорию, но из представленных мне документов я делаю вывод, что в южной части заказника полоса отчуждения может составлять около девяноста метров.

Тут слово дали защитникам природы, которые ограничились единственным вопросом:

– А почему нельзя провести дорогу вокруг заказника?

Юрист компании был готов к такому повороту событий.

– Мы готовы, – заявил он, – если вы дадите нам двести миллионов долларов. Именно во столько обойдется изменение маршрута.

Цифра произвела впечатление. Закрыв эту тему, защитники природы вернулись к вопросу о полосе отчуждения. Но что они могли противопоставить доводам экспертов? Только голые эмоции, красивые слова о необходимости беречь и защищать природу. Но разве могли красивые слова тягаться с выверенными аргументами специалистов? После короткого совещания суд вынес решение в пользу компании. Тумасов злорадствовал.

– Не захотели взять бабки – теперь с тем же результатом сосите лапу, – бросил он вслед вышедшим из здания суда защитникам природы и уселся в свой «бентли».

Рано радовался Илья Фридрихович, ой рано! Надо было внимательнее смотреть телевизионные новости. Тогда бы Тумасов наверняка обратил внимание на короткое выступление президента во время визита на Камчатку:

– Никакими производственными нуждами нельзя оправдывать варварское уничтожение уникальных природных ландшафтов, поскольку они принадлежат не только нам, но и нашим детям, внукам, правнукам. А если у кого-то другое мнение, пусть спросит у себя: выживет ли человечество в безжизненной пустыне?

На следующее утро Тумасову позвонили:

– Илья Фридрихович, я бы на твоём месте крепко подумал насчёт заказчика.

Именно звонивший проталкивал документы Тумасова. Он был человеком, хорошо знавшим, откуда дует ветер в коридорах власти. Илья Фридрихович тут же уловил его мысль. Если за дело возьмутся настоящие эксперты, проект могут вовсе закрыть.

Тумасов немедленно позвонил своим оппонентам. Сказал, что ему, как и всякому русскому человеку, безумно дорога родная природа. Поэтому он снова вместе со специалистами съездил в заказник. Они ещё раз хорошенько определились на местности и нашли оптимальный вариант объездного пути. Конечно, он потребует от Тумасова дополнительных капиталовложений, но чем не пожертвуешь ради сохранения природы.

Слова Ильи Фридриховича приняли за чистую монету и даже предложили стать членом общества. Тумасов вежливо отказался, сославшись на чрезмерную занятость. При этом, не удержавшись, он заметил с завуалированным сарказмом:

– Для вас же главное не деньги, а участие человека в ваших делах. У меня же на это совершенно нет времени. Двадцать четыре часа в сутки занимаюсь бизнесом.

На том и распрощались.

Глава 5

Солнце клонилось к закату. Где-нибудь в бескрайней степи можно было бы наблюдать, как его диск медленно сползает за линию горизонта, окрашивая небо в багровые или алые тона. В большом городе все гораздо тоскливее. Громады зданий заслоняют сверкающий диск задолго до того, как его нижний край коснется земли. Солнце то скрывается, то выгляет между домами, слепя идущих навстречу людей. И оттенки неба в минуты заката совсем не те. Выхлопы автомобилей и ядовитые выбросы заводов добавляют в общую картину мрачные серые краски, как бы подчеркивая монотонную бесцветную жизнь обычного человека в мегаполисе.

Бориса Рублева подобные фенологические нюансы мало интересовали. Он быстрым шагом пересекал скверик, торопясь домой. Было то пограничное время, когда обычные граждане все реже заходят в скверик и его заполняют всякие сомнительные личности. В стороне от заасфальтированной дорожки Рублев заметил какое-то подозрительное копошение. Подойдя ближе, он увидел трех парней и девушку. Молодые люди обступили ее, один из них обхватил девушку руками. Та судорожно дергалась, безуспешно пытаясь освободиться, и тихо вскрикивала. Присмотревшись, Борис догадался, почему она не зовет на помощь. Девушка была азиаткой – вьетнамкой или китайкой. Нет, скорее китайкой. Вьетнамки мельче и комплекцией, и чертами лица. Скорее всего, она жила в Москве без прописки, и милиции боялась еще сильнее, чем насильников.

Молодые люди являлись смешанной компанией: русский и двое кавказцев. Они, игнорируя попискивания жертвы, принялись деловито срывать с нее одежду.

– Эй, ребята, по какому случаю лезете к девушке? Может, сегодня День насильника? – сойдя с дорожки, поинтересовался Комбат.

Парни дружно уставились на него. Мужик крупный, но уже в возрасте, куда ему устоять против троих? И чего он прет на рожон? Неужели мент?

– А тебе какой дэло? Ты что, мылиция? Или хочешь нам помочь? – вызывающе бросил один из кавказцев.

– Нет, я не из милиции и помогать вам не собираюсь. Четверо на одну хрупкую девушку – это беспредел. Да и трое – слишком много. Отпустите ее, ребята.

– Мы сами разберемся, кого нам отпускать, а кого нет. Иди, мужик, своей дорогой. Мы пока тебя не трогаем из уважения к твоему возрасту, но, если будешь нарываться, схлопочешь. Зачем тебе на старости лет ушибы и переломы?

– Ушибы мне действительно ни к чему, – согласился Комбат, – но девушку жалко. Не вижу я на ее лице радости от общения с вами.

– Ты, старый пердун, довыпендриваешься! Бери ноги в руки, пока мы их тебе не обломали, и чеши отсюда, – злобно бросил русский.

– Хорошо, я уйду, но только вместе с девушкой, – стоял на своем Рублев.

– Вы оба отсюда не уйдете, а уползете, – пообещал русский и шагнул к Борису.

Вместе с ним двинулся один из кавказцев. Второй крепко держал китайку.

– Ох, ребята, и откуда в вас столько дурной прыти? Вам надо вагоны с цементом разгружать или траншеи рыть. Глядишь, тогда бы не возникло желание насиловать по скверам девушек.

– Слушай, он издэваэтца, да? За это я его буду бить долго и больно, – более экспансивный кавказец первым ринулся в атаку.

Никто не заметил, как южанин оказался на земле. Он только подскочил к Рублеву и уже пахал носом травку. Все произошло слишком быстро, русский не успел оценить обстановку и, сблизившись, попытался размашистым ударом в голову сбить Бориса с ног. Рублев выставил блок и коротко саданул противника в солнечное сплетение. Русский согнулся от чудовищной

боли. Борис чуть повернул голову, заметил поднявшегося на четвереньки кавказца и небрежно пнул его ногой:

– Лежать, я сказал!

Кавказец послушно улегся. Борис развернул все еще корчащегося от боли русского и со всего маху вlepил ему пинка под зад. Тот отлетел метров на десять и затих. Рублев стал медленно подходить ко второму кавказцу, державшему китайнку.

– Слoшай, нэ нада! Ми же все русский люди. И ты, и Валэрка, и Самвэл. Пачэму ты бьешь русских людей из-за какой-то иностранки? – от страха залепетал он первое, что пришло в голову.

– Выходит, ты – русский человек? – слегка удивился Борис.

– Да. Могу паспорт показать. Там для всех написан, чито я – гаражданина Российский Фэдэраций. А она нэт, она нэ гражданина.

– Слушай ты, гражданина. Во-первых, отпусти девушку. А то от страха вцепился в нее, как клещ. А во-вторых, бери своих дружков и быстро отсюда уматывайте. Навсегда. Если я еще раз увижу вас вечером в этом сквере, головы поотрываю. Ясно?

Дважды повторять не пришлось. Троица быстро исчезла в сгущающихся сумерках. Девушка застыла на месте, словно не веря в свое спасение.

– Тебе есть куда идти? Ты где-нибудь живешь? – спросил Рублев.

– Да-да, – затрясла та головой.

– Ты по-русски хорошо понимаешь?

– Да-да, – повторила она.

– Отлично. Тогда покажи мне, в какую сторону тебе надо. А то нарисуются еще какие-нибудь отморозки, – медленно и членораздельно выговорил Борис.

Девушка поняла смысл сказанного. Она решительно повернула налево. Рублев пристроился рядом. Они шли молча, и Борис думал, что в том числе из-за таких вот мерзавцев «демократия» стала едва ли не ругательным словом. Возможно, это, как сейчас принято выражаться, менталитет русского народа. Ему нужна железная рука, а свободу он воспринимает как вседозволенность. Причем вседозволенность сильного. Если у тебя есть деньги, имеешь право помыкать бедными; если накачался в спортзале, можешь от нечего делать дать по зубам тщедушному очкарику; если ты начальник, то все подчиненные дураки; если родился мужчиной, можешь в темном переулке задрать юбку случайно попавшейся женщине. Сплошные биологические инстинкты, напрочь игнорирующие человеческую сущность.

Во дворе у знакомого Рублева компания школяров, старшему из которых едва исполнилось четырнадцать, набрав пива, забралась в детский садик. Дело было зимой, стрелки часов перевалили за половину восьмого. В одном из окон садика горел свет: молодая воспитательница задержалась по своим делам. Хлебнув пенного напитка, юнцы из любопытства зашли в комнату. Женщина увидела ватагу ввалившихся без спроса малолеток и стала их выпроваживать. Те сначала испугались, подались назад, но четырнадцатилетний заводила презрительно бросил:

– Вы че испугались? Она же одна. Ее не бояться, а трахать надо.

Юнец был достаточно подкован теоретически, он посмотрелся порнографических фильмов, однако по жизни даже ни разу не целовался. И вот подвернулась возможность использовать свои знания на практике. Он первый бросился на женщину. От неожиданности она едва сопротивлялась, и ему удалось подножкой свалить ее на пол. Тут женщина опомнилась, и ей почти удалось сбросить с себя малолетнего насильника. Но стоило женщине упасть, к старшему товарищу присоединились остальные школяры. Общими усилиями они снова повалили воспитательницу и, удерживая за ноги и руки, начали срывать одежду. К счастью, возня затянулась, и тут появилась милиция. Ее вызвал пенсионер-сторож, услышавший женские крики. Сам он идти не решился, но вовремя поднял тревогу.

Кое-кто потом говорил, что виновато пиво. Мол, даже слабоалкогольного напитка хватило, чтобы затуманить слабые детские мозги. Но Борис считал, что виновато отсутствие сдерживающего начала, которое закладывается в раннем возрасте. Да и откуда ему взяться, если по телевизору крутят сериалы, демонстрирующие, как братки купаются в роскоши, ездят на шикарных иномарках. На фоне этого слова учителей и родителей, что надо жить честно, выглядят жалким лепетом. Да и многие ли родители говорят сейчас такие слова?

Они вышли на людную улицу.

– Теперь сама доберешься? – спросил Борис.

– Да-да, – закивала головой девушка.

Кажется, этим словом исчерпывалось ее знание русского языка.

– Ладно. Только не ходи больше одна по безлюдным скверам. У нас это опасно, – напутствовал ее Рублев.

Глава 6

«Ауди» остановилась около внушительного строения, отдаленно напоминающего дворец венецианских дождей.

– Вас ждут, господин Курилович, – сообщил водитель тоном хорошо вымуштрованного лакея. – Я буду здесь. Хорошо вам отдохнуть.

Не успел Вениамин подняться на крыльцо, как дверь особняка распахнулась и показался мужчина. На вид ему было около пятидесяти, одет очень дорого, взгляд чуть насмешливый, чуть надменный, как у людей, привыкших вершить чужие судьбы. Говорят, что после первого миллиона долларов начинаешь по-другому смотреть на мир. В таком случае стоящий напротив Куриловича мужчина имел все основания вообще не обращать внимания на события, происходящие вне его жизненного пространства.

– А мы уже вас заждались, – почти радушно сказал гостю мужчина.

– Все зависело от вашего шофера, – без раздумий ответил Вениамин.

– Тогда я с ним разберусь. Ладно, давайте знакомиться. Меня зовут Олег Матвеевич Каплунов, – он протянул Куриловичу руку.

– Вениамин Андреевич, – Курилович старался держаться непринужденно, что давалось ему с большим трудом.

Как можно улыбаться мерзавцам, лишившим жизни его друга и компаньона?

– Проходите, – Каплунов пропустил гостя внутрь дома. – Нас уже ждут.

– Очень рад, что вы приняли наше приглашение вместе провести выходной, – слащаво заявил светловолосый франт, на указательном пальце которого Курилович заметил золотой перстень с рубином величиной около карата.

– Присаживайтесь, – сказал третий мужчина, которого звали Илья Фридрихович.

Тут же за спинами мужчин нарисовался лакей, разливший по рюмкам коньяк.

– Выпьем за знакомство и отправимся в сауну, – сказал Каплунов, явно игравший в этой компании роль первой скрипки.

Курилович мимоходом удивился бедности фантазии его новых знакомых. Сауна, вечно эта сауна! Неужели так сложно придумать что-то новое? Или у всех новых русских настолько замарана душа, что это ощущается даже на физическом уровне, и человек вынужден постоянно пользоваться гигиеническими процедурами, чтобы соскрести с себя грязь? Но развить свою мысль Вениамин не успел, поскольку коньяк оказался лишь предлогом.

– Мы очень рады, что вы приняли наше предложение, – сказал франт, сделав малюсенький глоточек.

– Всегда приятнее договориться с человеком, чем использовать другие методы, – добавил Тумасов.

«Как же, договорились! Вы буквально приставили к моей голове пистолет и вынудили дать согласие», – подумал Курилович, стараясь сохранять безмятежный вид.

– Мы еще раз хотим уточнить правила игры. Теперь, если вам, уважаемый Вениамин Андреевич, потребуется наша помощь, достаточно будет просто связаться с любым из нас. Кроме того, мы готовы брать вас деловым партнером, если дорога будет проходить по вашей области. От вас же требуется одно – не вмешиваться в распределение заказов по Москве и прилегающим к ней районам.

Франт едва заметно поморщился. По его мнению, Каплунов высказался с солдафонской прямоотой. А надо было изящнее, деликатнее, как это принято у людей высшего общества. Но прямота имела свои положительные стороны. Каплунов сразу расставил все точки над «и». Куриловичу оставалось либо согласиться, либо ответить решительным отказом. А что мог противопоставить Вениамин москвичам? Их силы многократно превосходили его собствен-

ные. Насколько понимал Курилович, для усмирения конкурентов его противники использовали один из трех методов. Они могли задушить противника, используя связи в коридорах власти. Но чиновники привыкли за любую свою услугу получать хорошую оплату, и поэтому, как ни цинично это звучит, в целях экономии чаще использовался другой метод – физическое воздействие на конкурента вплоть до его ликвидации. С Вениамином после демонстрации своих возможностей москвичи решили договориться. Куриловичу в такой ситуации было бы глупо лезть на рожон.

– Я принимаю ваши условия, – ответил он и одним глотком осушил рюмку.

– Вот и ладушки! А теперь в сауну! – Каплунов махнул рукой, указывая гостю направление.

Компания миновала холл, небольшую цветочную оранжерею, благоухающую всеми возможными цветочными ароматами, и оказалась в уютной круглой комнате с роскошным каминном, расставленными вдоль стен мягкими диванами и журчащим в центре, на мраморном возвышении, золотым декоративным фонтаном, миниатюрной копией петергофского Самсона. Мускулистый атлет разрывал пасть льва, из которой била подсвеченная со всех сторон разноцветными лампочками струя воды. Рассыпаясь в воздухе на миллионы мелких капель, она образовывала самую настоящую радугу.

– Мне нравится, честное слово! – воскликнул Курилович тоном сельского жителя, впервые в жизни выбравшегося в большой город, и сразу в Париж, к Лувру. – Не хватает только девочек, исполняющих канкан или танец живота.

Насчет девочек он сказал, желая слегка уязвить хозяина дома. Мол, не все предусмотрели, дорогой товарищ, есть и у вас слабые места.

– Будут и девочки, само собой. Но только после сауны, а то не получится толком вымыться.

Каплунов произнес это тоном чародея, которому осточертело делать чудеса, но приходится – статус обязывает. Гигиенические процедуры не произвели на Куриловича особого впечатления. Сауна как сауна. Зато бассейн был хорош. Выложенный изумрудного цвета плиткой, длиной около десяти метров, с разными глубинами, оборудованный устройством, позволяющим создавать течение и небольшую волну, Вениамину он понравился. Хотя девочки произвели на него куда большее впечатление.

Но сначала они вернулись обратно в круглую комнату. Тут за время их отсутствия произошли изменения. Большинство диванов исчезло, освободив пространство. Два оставшихся были составлены буквой Г. Перед диванами стоял стол, уставленный разнообразной выпивкой и закуской. Разнообразной с учетом привычек и толщины кошелька собравшихся. Салата «Оливье» и селедки под шубой тут не было. Зато имелись осетрина, икра, гусиная печенка и другие изысканные закуски.

Верхний свет был погашен, зато горело разноцветное боковое освещение.

Собравшиеся отдали должное выпивке и еде. Когда голод был утолен, Каплунов бросил, откинувшись на мягкую спинку дивана:

– Запускай!

Гости устремили взгляд на ведущую в оранжерею дверь. За матовым разноцветным стеклом смутно проглядывалось какое-то шевеление. В следующую секунду свет в комнате начал стремительно меркнуть, одновременно на полную яркость зажглись освещающие фонтан огни. И вдруг, проскочив распахнувшуюся дверь, словно порыв легкого ветерка, на импровизированной сцене появилась невысокая стройная девушка в прозрачной газовой накидке. Ее шоколадный загар резко контрастировал с белоснежной одеждой, грациозное упругое тело было столь совершенно, что Курилович невольно им залюбовался.

– Лучшее стриптиз-шоу Москвы, – тем же небрежным тоном заметил Каплунов.

Девушка словно застыла, вытянув вверх руки и подняв голову, но потом в ней как будто разжалась невидимая пружина. Изгибаясь всем телом, она демонстрировала такую поразительную гибкость, что в какой-то момент Вениамин подумал, что так не может быть. Суставов будто не существовало. В движениях танцовщицы было что-то поразительно знакомое, но Курилович долго не мог сообразить, что именно. И все же он догадался – девушка исполняет танец огня. Вот что значит настоящий профессионализм! Она движениями тела передавала знакомые человеку образы, и он сам догадывался, в чем заключается смысл танца.

Взметнувшись последний раз, разожженное танцовщицей «пламя» угасло. Быстрой тенью от ведущей в оранжерею двери отделилась еще одна фигура, тоже одетая в прозрачную, но темного цвета накидку. Вторая танцовщица сзади приблизилась к первой девушке, стала гладить ее трепещущее от прикосновений тело, нарочно уделяя главное внимание самым интимным местам. Как-то совершенно незаметно обе красавицы слились воедино, опустились на мягкий ковер и стали предаваться безудержным ласкам. Складывалось впечатление, что еще одно мгновение – и танец перейдет в реальный лесбийский секс. Но девушки очень умело балансировали на той зыбкой грани, за которой настоящее искусство превращается в уродливую порнографию, заполонившую модные столичные клубы.

«Неужели и они проститутки?» – ошарашенно подумал Курилович, наблюдая за тем, как к мастерски изображающим любовное томление стриптизершам присоединились еще две красотки.

Эта мысль на время отрезвила Вениамина. Он то отводил глаза от происходящего в нескольких метрах от него, то набрасывался на еду, но глаза, словно притянутые магнитом, постоянно натывались на извивающиеся и манящие тела танцовщиц. И внутри разгорался дьявольский огонь, жгучим теплом отдаваясь внизу живота.

«Мне бы вон ту, с тугими, словно мячики, грудями, – мелькнула помимо воли мысль. – Хотя зачем таким женщинам отдаваться за деньги? Они и без того достаточно зарабатывают».

И тут же, опровергая сомнительный вывод Куриловича, Тумасов тихо сказал:

– Я, пожалуй, возьму брюнетку. Осточертели крашенные блондинки. Ты как, Олег Матвеевич?

– Бери. Желание гостя закон. Только что твоя жена скажет?

– А что она может сказать? У нас брачный контракт. По нему жене, если она является инициатором развода, достается кукиш с маслом. Поэтому она сидит и помалкивает в тряпочку. Да ты же об этом знаешь, Олег Матвеевич. У тебя практически такой же контракт.

– Вы забыли про Вениамина Андреевича. Сегодня он настоящий гость, у него должно быть право выбора, – неожиданно вмешался белобрысый фронт.

– И в самом деле, вам слово. Если хотите мою брюнетку, я в обиде не буду, – спохватился Илья Фридрихович.

– Погодите. Неужели вы на полном серьезе рассчитываете заволочь их в постель? Вы же сами говорили, что это лучшие московские стриптизерши? Они зарабатывают вполне достаточно денег своими танцами.

Заявление Куриловича было встречено дружным хохотом.

– Во-первых, это бабы. А бабам сколько денег ни дай, все равно будет мало, – отсмеявшись, пояснил Каплунов. – А во-вторых, у девушек с такой профессией мало шансов избежать постели. Особенно при их внешности. Не захотят добром, так какой-нибудь уголовник силой затащит. При чем даром. А у нас есть и деньги, и сила. Вот девушки и сделали свой правильный выбор. Но хватит разговоров, сколько можно ждать? Говори, дорогой, на кого глаз положил.

– А потом не только глаз положит, – не удержался от сальной шуточки белобрысый.

– Меня вполне устроит крашенная блондинка, – сказал Курилович, успокаивая свою совесть тем, что отказ от любовных утех может быть воспринят как желание обидеть хозяина, а следовательно внутреннее несогласие Вениамина с навязанным ему договором.

Даже уверения в том, что он примерный семьянин, посчитают отговоркой. Рядом с такими женщинами не бывает примерных семьянинов.

Глава 7

Семен Михайлович Зудов с легким сожалением поднялся на борт самолета. «Гуд бай, Америка, о!» – произнес он. От завершившейся командировки у него остались самые лучшие воспоминания. И целый чемодан подарков, как преподнесенных Зудову, так и приобретенных им лично для членов семьи и сослуживцев. Все согласно табели о рангах: подчиненным – разная мелочовка, начальству – презенты поценнее, причем которые трудно найти в московских магазинах. Чтобы не подумали, что Зудов жмот: купил вещь в Штатах, поскольку в российской столице она намного дороже.

Семен Михайлович, устроившись в удобном кресле, бросил случайный взгляд на свои руки.

– А что? Нормальный рабочий загар. Дорожники южных районов России к концу лета вообще становятся похожи на негров. И кто увидит, какого цвета его кожа под костюмом и рубашкой? В сталинское время какой-нибудь самодур мог приказать: «Раздевайся. Посмотрим, как ты провел заграничную командировку». Сейчас дурных нет. Глупо третировать человека, который привез тебе ценный подарок и в следующий раз тоже привезет... Мудро поступает правительство, отправляя чиновников за границу. Вон, частные компании регулярно посылают своих сотрудников, чтобы перенимали лучший зарубежный опыт. И государственные служащие не должны от них отставать.

Хотя с изучением передового опыта у Зудова вышло, мягко говоря, так себе. Не до опыта ему было.

Сначала Семен Михайлович отправился в Северную Дакоту. Американское захолустье, ни одного крупного города. Зато почти двести тысяч километров автомобильных дорог. Ландшафт большей частью равнинный, можно сказать типичный для средней полосы России. То есть было на что посмотреть и что перенять. Насмотрелся Зудов вдоволь. Больше тысячи километров они намотали по штату. Ничего не скажешь, дороги отличные. Семен Михайлович отметил это в своем ежедневнике. Сопровождающий от американской стороны долго распинался о технологиях прокладки дорог, однако почему-то рьяно воспротивился тому, чтобы его речь записывалась на диктофон. Ну и что мог поделывать Зудов, который в английском ни бум-бум? Ждать, пока переводчик донесет ему смысл сказанного американцем, и записывать? Семен Михайлович попытался, но ему это быстро надоело. Что он, студент-первогодок, конспектирующий лекции? А ключевых вопросов, заданных высоким гостем, американец просто не понял.

– Зачем постоянно контролировать работу дорожников? – удивился он. – Есть нормы, в договорах четко зафиксированы все позиции. Если компания допускает брак, она все исправляет за свой счет.

– А если не исправляет? – спросил Зудов.

И снова американец сначала не понял, а затем снисходительно пояснил:

– Тогда суд заставит ее все переделать и оплатить немаленькие судебные издержки. И больше никто не станет иметь дела с этой компанией. Это теоретически, на практике такого не случается.

«Дурачки, – про себя усмехнулся Семен Михайлович. – Постоянно контролируя работу, имеешь постоянный навар. В нашей стране это даже младенцу ясно. Совсем погрязли америкашки в своей демократии».

Из скучного штата Северная Дакота Зудов отправился в Нью-Йорк. Этого города не значилось в его командировочном листе, но как можно было оказаться в Америке и не пройтись по Бродвею! Опять же солидные командировочные выплачивались не за красивые глаза. Фак-

тически в них учитывалась стоимость подарков начальству. А где еще в мире такой фантастический шопинг... после закрытия Черкизовского рынка?

Семен Михайлович уже бывал в городе «желтого дьявола» и ограничился закупочными операциями. Остановился он в относительно недорогом, но уютном отеле, когда-то порекомендованном ему другим чиновником. Откровенно говоря, Зудов мог позволить себе «Шертон» или «Хилтон», но куда тогда деть переводчика? Селить в номере за шестьсот баксов? Слишком жирно для него будет, да и может сболтнуть лишнего на Родине.

Конкретный список подарков они с женой составили еще в Москве. Будь Семен Михайлович помоложе, он бы успел заговориться за день. Переводчик ограничился покупкой очень стильной зажигалки. Его командировочные не шли ни в какое сравнение с командировочными Зудова, и он предпочитал делать покупки в более дешевых городах. В том же Бисмарке, столице Северной Дакоты, он набрал пакет разных вещей. Из Нью-Йорка командированные отправились в Денвер, столицу штата Колорадо. Значительная часть штата находилась в Скалистых горах, что напоминает условия Кавказа. Здесь Зудову было поинтереснее, чем в Дакоте. Местный сопровождающий оказался снисходительным к глухонемому по части английского языка Семену Михайловичу и позволил записать свою речь на диктофон. Зудов любил баскетбол и ходил на игру местной профессиональной команды «Денвер Нагетс». Сам Денвер, напоминающая Нью-Йорк своим размахом, отличался своеобразием планировки и архитектуры. Излишне говорить, что Зудов проехался по местным дорогам, по достоинству оценил их качество, обошедшее в смешную по московским меркам цену.

«У них весь процесс механизирован и рабочие трезвые», – сделал он вывод, которым затем в Москве поделился с непосредственным начальником.

Последним пунктом назначения была Флорида. За день выполнив связанные с командировкой формальности, Зудов взял курс на один из курортных городков. Распаковывая чемодан в двухместном номере, Семен Михайлович втолковывал переводчику:

– Работа у нас тяжелая, выматывающая. С утра до вечера, не жалея здоровья, печешься о государственном благе. Поэтому, если выпадает свободное время, не грех использовать его для восстановления сил.

У переводчика имелось собственное мнение касательно тяжелой и выматывающей работы Зудова, но он оставил его при себе. Вот так ляпнешь сгоряча, и в следующий раз чиновник возьмет другого переводчика. А то и вовсе заставит уволиться.

Семен Михайлович тем временем достал из чемодана плавки, сланцы и мазь от загара. Было видно, что он еще в Москве тщательно распланировал командировочный маршрут.

– У тебя есть плавки? – спросил он переводчика.

– Здесь нет.

– Ну и ладно, по дороге купишь. Давай-давай, поторапливайся. Я хочу до ужина успеть хорошенько наплаваться.

Плавки, как и другие нужные отдыхающему вещи, продавались в магазинчике на первом этаже гостиницы. Правда, цены были кусачие, но у переводчика не оставалось выбора.

На пляже Зудов взял шезлонг. Переводчик из экономии улегся на чистый песочек. Согревшись под лучами флоридского солнышка, Семен Михайлович огляделся по сторонам:

– Кажется, поблизости нет ни одной русской морды. Значит, можно оставить вещи и идти купаться.

Переводчик успел заметить, что свои швейцарские часы Зудов оставил в номере. Его кредит доверия американцам тоже имел границы.

Командированные окунулись в теплую воду.

– Ишь ты! Тут рыбы плавают у самого берега! – удивился Зудов.

– В Египте тоже плавают, – меланхолично отозвался переводчик.

– А в Крыму нет. Я лет пятнадцать тому назад последний раз был в Ялте и не помню, чтобы видел хоть одну рыбешку.

– Так сравнили! Крым, наверное, раза в два меньше Флориды, и там раньше отдыхала половина Советского Союза. У американцев выбор куда богаче. Тут вам и Калифорния, и Гавайи, и острова Карибского бассейна, где они чувствуют себя как дома. И они ведут себя как люди. Посмотрите на пляж. Ни соринки. А я был три года тому назад в Мисхоре. Наш человек только что не гадит на пляже. Все усеяно окурками, пакетами, одноразовыми стаканчиками. Откуда при таком отношении взяться рыбе? Она уходит подальше от берега.

– Мне бы твои проблемы, – довольно странно отреагировал Зудов и погреб от берега. – Хороша водичка! И так большую часть года. Везет же людям. Живут и работают на курорте.

«Так ведь работают. А ты? За две недели хорошо, если один день был занят работой. При этом имеешь несколько сот баксов суточных. И у тебя еще хватает наглости кому-то завидовать», – подумал переводчик. Знал бы он, что суточные Зудов даже не считал за деньги. Как и многие российские чиновники, Семен Михайлович имел постоянный доход, заметно превышающий его официальную зарплату.

Переводчик набрал в грудь воздух и нырнул с открытыми глазами, рассматривая лежащие на дне камни, ракушки и слегка кольшущиеся редкие кустики водорослей.

Глава 8

Она бежала изо всех сил, чувствуя за своей спиной дыхание преследовательницы. В отчаянье она рванула влево к дороге, хотя там шансов оказаться сбитой машиной было больше, чем найти спасение у проезжающего мимо автомобилиста. Если кто и остановится, то чтобы посмотреть на пикантное зрелище, а не ради помощи. Да и не успеет она добежать до узкой полоски шоссе.

На выезде из любого крупного российского города стоят женщины, готовые за деньги продать свое тело и любовь. В подавляющем большинстве они далеко не красавицы. Как бросил в сердцах один средних лет бизнесмен, у которого по дороге в соседний город неожиданно возникло острое желание заняться сексом, «какие дороги, такие и бабы». Многих из этих женщин погнала к автостраде нужда. Если в местном колхозе, на новый лад именуемом фермерским хозяйством, давно распродана вся техника и скот, нечем пахать землю и все мужики либо разъехались, либо бухают по-черному, будешь рада любому, даже самому постыдному, заработку. Хотя правды ради надо сказать, что сейчас положение изменилось. Если в девяностых большинство женщин шло на дорогу от безысходности, то сейчас таких в лучшем случае десятая часть. Остальные возвращались сюда по привычке, считая этот вид заработка хотя и рискованным, но легким (не надо корячиться у станка или на поле), а порой из любви к частому беспорядочному сексу, за который еще платят деньги.

Анжела угодила на дорогу из-за превратностей судьбы. Она несколько лет проработала в интимсалоне, имела постоянных клиентов и приличный доход. Но однажды в салон нагрянули менты. По большому счету ничего страшного здесь нет. Девушки отделяются штрафами, салон перебирается на новое место и возобновляет работу. Но менты арестовали мамочку, руководившую проститутками. На ее место хозяин поставил новую мамочку, с которой у Анжелы не сложились отношения. У слабого пола такое случается. Две женщины невзлюбили друг дружку с первого взгляда и, хоть бей их, хоть режь, будут постоянно строить сопернице козни. Причем Анжела, на свою беду, преувеличивала собственное значение в деятельности интимсалона. Мол, она тут заслуженная работница, можно сказать ударник эротического труда, а новая мамочка занимает свое место без году неделя, еще неизвестно, как она себя покажет. Около месяца женщины брезгливо посматривали друг на друга и за спиной говорили всякие гадости. Тем и ограничивались. Но затем мамочка начала ущемлять девушку материально, зажимала ей выплаты. Как-то она зашла на кухню, где сидела Анжела, релаксирующая после очередного клиента. Девушка как раз варила себе кофе и достала сигаретку. Слово за слово, с материальных проблем дамочки перешли на личности, мамочка обозвала Анжелу словом из четырех букв, обозначающих женщину, занимающуюся проституцией на безвозмездной основе, а девушка в ответ выплеснула ей в лицо только что вскипевший кофе.

Анжеле повезло. Буквально за неделю до инцидента ее более информированная подруга рассказала о связях и возможностях новой мамочки. «Если бы я это сразу знала, то молчала бы в тряпочку», – подумала тогда Анжела. Но она была слишком эмоциональна, что и привело к жестокой развязке.

За пять минут собрав свои немногочисленные пожитки, Анжела скрылась и из салона, и из Москвы. У нее на книжке лежала приличная сумма, но она побоялась ехать в банк. Опасалась, что подружка заложит, и боевики, обеспечивающие безопасность проститутток, сумеют ее перехватить. Следовало выждать пару-тройку месяцев. Но на какие шиши, если девушка ничего не умела делать? Подавив собственную гордость, Анжела вышла на дорогу. Она выбрала точку километрах в двадцати от Москвы. Тут ее вряд ли найдут. Рядом гужевались еще четыре девахи, одна из них точно местная, деревенская, плотно сбитая, как говорится, кровь с молоком. Она верховодила в компании и на новенькую, явно превосходившую их экс-

терьером, взглянула неодобрительно. Пришлось Анжеле прикинуться бедной овечкой и рассказать сильно приукрашенную историю своих злоключений. Девушки ее пожалели, и крепко сбитая, назвавшаяся Мальвиной (вот дура, не могла придумать себе нормального имени), милостиво соизволила:

– Ладно, работай, но только после нас.

Легко сказать. Анжела окинула взглядом своих невольных подружек. На Мальвину может клонуть водила, любящий здоровое женское тело. И еще одна девушка способна вызвать у мужчины желание. Но две оставшиеся! С ними можно напрасно прождать до второго пришествия. Увы, у Анжелы не было другого выхода. Тем более Мальвина, скорее всего, жила где-то рядом, был шанс подкатиться к ней насчет ночлега.

Так и вышло. Анжела честно соблюдала договоренности, поэтому за полдня обслужила только одного клиента. Она запросила вдвое выше принятых здесь расценок, и водила, слегка поворчав, заплатил. Когда их работа заканчивалась, девушка могла снять еще одного клиента, но Анжеле насторожило его лицо, хищный блеск глаз. За годы работы девушка научилась почти безошибочно определять потенциально опасных клиентов и отказалась от заработка.

Мальвина привела ее в свой дом. Три мрачные комнаты больше напоминали декорации к фильму о злобных привидениях. В одной из них спал мальчик лет двенадцати.

– У тебя такой большой сын? – удивилась Анжела.

– А что ты хочешь, я в шестнадцать родила. Жила одна с матерью, отец спился и умер. Вот и залетела по глупости. Нет, мы потом поженились, только зря.

– Почему?

– Муженек весь в моего отца пошел, тоже пьет беспробудно. Гонят с собутыльниками самогон из всякой дряни и напиваются до потери сознания. Если не упадет по дороге, скоро вернется ночевать. Только я его в дом не пускаю. Видела в сених матрац? Там он и дрыхнет. Да если бы он был нормальным человеком, разве бы я трахалась со всякими уродами! У него же в молодости руки были золотые. И мебель мог смастерить, и мотор починить. Да что уж об этом вспоминать.

– А он у тебя не буйный? – настороженно спросила Анжела.

– Иногда бывает. Но он не жрет ни черта, только самогонку хлещет, совсем обессилел. Как только жив еще. Если начнет бузить, я его мигом успокою.

Анжела без колебаний поверила словам новой подруги. Такая может. Коня на скаку – это вряд ли, но пьяного мужика отделать до беспамятства чугунной сковородкой – запросто. Она достала початую бутылку мартини, которую прихватила с собой, убегая из Москвы:

– Давай по рюмашечке за знакомство.

– Нет, ты давай, а я себе воды размешаю с вареньем.

– Да ты попробуй. Это не ваша самогонка, а очень вкусная вещь.

– Я спиртного вообще не пью. Зареклась, насмотревшись на отца с мужем.

Мальвина пошла на кухню и, минуту там повозившись, вернулась с большой кружкой и бокалом из простого стекла.

– За знакомство! – сказала Анжела и в несколько глотков осушила бокал.

После сегодняшнего дня ей требовалось расслабиться. Очень скоро бутылка опустела наполовину. Однако, как ни странно, разоткровенничалась Мальвина, словно надышавшись паров алкоголя.

– Эх, мне бы нормального мужика, не пьющего, работающего. И чтобы к сыну хорошо относился. Большого не прошу. Необязательно, чтобы я его любила. Главное, чтобы уважала.

– А если твоему мужику будет лет шестьдесят? – ехидно поинтересовалась Анжела.

– Хоть семьдесят. Я же тебе сказала, мне самое главное – его уважать. За трезвость, за ум, за трудолюбие. За то, что он настоящий глава семьи.

– А если у этого главы семьи уже давно не стоит?

– Поднимем, – убежденно заявила Мальвина, однако тут же добавила: – В крайнем случае перебьюсь.

Они болтали, словно встретились после долгой разлуки. Анжела засыпала, уверенная, что нашла подругу и верную союзницу. Однако по пути на точку Мальвина развеяла ее иллюзии, твердо заявив:

– Напоминаю, что ты работаешь последней.

– Последней так последней, – легко согласилась Анжела, но в глубине души затаила обиду.

«Ничего, мы еще увидим, кто из нас последняя», – подумала она, шагая к дороге.

Две недели Анжела держалась, соблюдая уговор. Первый раз она сорвалась, когда одна из девочек заболела. Они работали на точке вчетвером, двое разъехались с клиентами, и Анжела осталась с самой неказистой из проституток. На горизонте показалась дорогая иномарка. Девушки редко обслуживали водителей легковушек, предпочитая дальнобойщиков. Те более предсказуемы, а за рулем «БМВ» или «крайслера» мог оказаться извращенец, который и денег не даст, и отымеет в самой жестокой форме.

Однако сейчас какое-то чувство подсказало Анжеле, что можно хорошо пожить. Вопреки установившейся очередности она сделала несколько шагов к шоссе, выставив грудь и как бы случайно задрав и без того короткую юбочку. Весь ее вид яснее ясного говорил, что именно она делает на дороге.

Водителем иномарки оказался мужчина лет пятидесяти. Он резко сбросил скорость, внимательно осмотрел Анжелу и затормозил. Тут же к нему подскочила напарница. Анжеле следовало уйти в тень, но она продолжала стоять в откровенной позе.

– Извини, красавица, но тебе повезет в следующий раз. А сейчас я хочу твою подругу, – сказал мужчина.

Напарница молча посмотрела на Анжелу, давая возможность ей самой сделать выбор: соблюдать неписанные правила или рискнуть и посмотреть, что из этого выйдет. Анжела рискнула, запросив с мужчины пятьдесят баксов. Он согласился, хотя вместо долларов заплатил рублями.

Когда девушка вернулась, все три ее напарницы были в сборе.

– Ну! – грозно посмотрела на нее Мальвина.

– А что я! Он же хотел конкретно меня, а не ее. Что бы изменилось, если бы я сидела в кустах? Он бы проехал мимо, и все дела!

– У нас с тобой был уговор, подруга! И мне плевать, кого он хотел. Сегодня ты сняла конкретного мужика, завтра начнешь шустрить впереди всех. Знаем, проходили. Короче, запомни. Если ты еще раз сунешься без очереди, я с тобой буду говорить иначе. Поняла?

– Поняла, – с показным смирением склонив голову, ответила Анжела.

Дома ни словом, ни жестом Мальвина не напомнила об инциденте. И у Анжелы в глубине души зародилась надежда. Возможно, подруга на ее стороне, а разнос ей устроила ради порядка. Утром она рискнула заметить:

– Уговор, конечно, хорошо, но я в десять раз больше мерзну, чем работаю.

– Так найди другое место, где никто не мешает. Дорога большая, – с деланным участием посоветовала Мальвина.

Какая дрянь, а еще подруга называется! Будто не знает, что одиночная работа – кратчайший путь в могилу. На дорогах полно маньяков и обыкновенных садистов. Что стоит завезти девушку в лесную чащу, надругаться над ней и закопать. Да что садисты! Менты случайно вычислили парня, решившего, что лучше убить проститутку, чем заплатить ей жалкие пятьсот рублей. Поэтому в группе спокойнее. Всегда есть кому запомнить марку и номер автомобиля. Мужики это знают, поэтому в худшем случае могут не заплатить, вышвырнув из машины.

– Я еще жить хочу, – сквозь зубы процедила Анжела.

– А другие хотят есть. И они не виноваты, что внешностью не вышли. На дороге все должны быть равны. Не спорю, если бы мы дружно стали на обочине, ты была бы нарасхват. А другим прикажешь с голодухи подышать? Короче, забудь свое прошлое и делай, как говорят.

Но Анжела вновь сорвалась. Причем увела добычу из-под носа двух напарниц. Понимая, что добром это не кончится, она решила тайком пробраться в дом Мальвины, забрать вещички и смыться. Тем более что прошло уже без малого два месяца, можно было вернуться в Москву, снять деньги и уехать в Питер, где ночные бабочки тоже достойно зарабатывают. Но Мальвина словно знала о ее намерениях. Она перехватила Анжелу между дорогой и деревней.

– Отдай, – протянула она руку.

– Что?

– Деньги давай! В следующий раз будешь знать, как своевольничать.

– С какой стати? Это я их заработала, – вопреки здравому смыслу полезла на рожон Анжела.

Мальвина не стала тратить время на бесполезные препирательства. Одной рукой она больно ухватила Анжелу за плечо, а вторую запустила во внутренний карман коротенькой юбки. Знала, где искать, мерзавка! В Анжелу словно бес вселился. Изловчившись, она вцепилась острыми зубками в руку Мальвины, державшую ее за плечо. Та, ойкнув, разжала пальцы. Не думая о последствиях, о том, что в доме у Мальвины остались все ее вещи, стоившие гораздо больше заработанных сегодня пары тысяч, Анжела бросилась бежать. На первый взгляд она могла легко уйти от преследовательницы. Стройная и легкая, Анжела куда больше напоминала бегунью, чем крепко сбитая, плотная Мальвина. Увы, вчерашняя москвичка лет шесть ежедневно выкуривала пачку сигарет, частенько выпивала и, кроме секса, не знала никакого физического труда. Поначалу отставшая, Мальвина преследовала свою жертву с упорством бультерьера. Через две минуты расстояние начало быстро сокращаться. Анжела тяжело дышала и едва переставляла ноги. Когда она повернула к дороге, Мальвина бросилась ей наперерез и толкнула в спину. Анжела упала на землю. От сильного удара у нее из глаз посыпались искры.

– Будешь знать, как кусаться!

Мальвина жесткими пальцами, привыкшими к вилам и лопате, сжала ей горло. Анжела попыталась освободиться, но даже двумя руками не смогла оторвать одну руку противницы.

– Давай бабки или придушу! – грозно заявила Мальвина.

– Хорошо, хорошо, только отпусти.

Забрав деньги, Мальвина хмуро сказала:

– Я пока с девчонками рассчитаюсь, а ты иди в дом, забирай свои манатки и уматывай. Чтобы к моему приходу духу твоего не было.

Анжела собрала вещи и, когда начало вечереть, двинулась к автобусной остановке. Чуть в стороне она заметила троих своих недавних напарниц. Мальвина отсутствовала. Наверняка ублажала очередного клиента. Заглядевшись, Анжела споткнулась о дорожную выбоину и, слегка изменив, невольно повторила изречение неизвестного бизнесмена, вырвавшееся у него, когда он разглядывал жриц любви, кучковавшихся на обочине: «Вот блин! Какие бабы, такие и дороги».

Глава 9

В этот раз они собрались на даче у Тумасова. Их снова было четверо, только вместо Куриловича присутствовал дородный мужчина лет шестидесяти с изрядной плешью на макушке.

– На носу очередной тендер. Есть ли смысл напоминать, что он зарезервирован для Ильи нашего Фридриховича? – Каплунов обвел взглядом собравшихся.

– Склерозом не страдаем, хотя в данной конкретной ситуации хотелось бы, – с типичной для него претензией на юмор ответил белобрысый франт.

– Хватит напоминать. Мы уже давно не дети, – просипел плешивый толстяк.

– Отлично. Только кое о чем все же стоит напомнить. У золотых россыпей есть одно дурное качество. Они рано или поздно заканчиваются. Хотелось бы в этой ситуации избежать нездорового ажиотажа, – подал голос Тумасов.

– Ажиотаж – черт с ним. Главное – обойтись без стрельбы, – произнес белобрысый.

– Типун тебе на язык! И кончай со своей дурацкой манерой перебивать. Я хотел сказать, что появление этого... как его... Куриловича – только первая ласточка. Люди, как падальщики, мигом слетаются туда, где обилие добычи. Чтобы удержать завоеванные позиции, мы должны иметь опережающую информацию. А то на наших друзей-бюрократов надежды мало. Они слишком любят деньги и берут их у кого угодно. Мы же должны уже в зародыше душить любые попытки конкуренции. Это поможет нам продержаться несколько лишних лет.

– Добро, Илья Фридрихович, мы обязательно займемся твоей идеей. Но каждому овощу свое время. Как говорится, утром заявка, а вечером – остальное. Господа, надеюсь, ваши заявки готовы? – обратился Каплунов к толстяку и белобрысому.

– Уже давно, – ответили оба в один голос.

– По уже ставшей доброй традиции воздержимся от их просмотра?

– Естественно. Если сейчас кто-то попытается меня кинуть, я в следующий раз отвечу тем же. Начнется такой бардак, что всем мало не покажется. Нам гораздо выгоднее делать наш бизнес честно, – подал голос Тумасов.

И никого из присутствующих не смутило то, насколько мало слово «честно» подходило к их бесстыжим махинациям. Они давно привыкли делать огромные деньги на взятках, обмане и запугивании неугодных лиц. Так удобнее.

Настал день тендера. Члены комиссии «добросовестно» изучили поступившие заявки. Две отмели сразу. Цены в них были заявлены такие, словно подрядчики собирались прокладывать дорогу на Луне. Третья была составлена абсолютно безграмотно, будто ее писал случайный человек с улицы. На каждом шагу в ней встречались перлы, вызывавшие улыбку у несклонных к веселью уважаемых экспертов.

В результате – кто бы сомневался – победила заявка Тумасова. Хотя где-нибудь в Китае Илью Фридриховича ждал бы не выгодный контракт, а, как минимум, долгий срок тюремного заключения. Дабы остальным было неповадно выступать с подобными грабительскими предложениями. Но у нас не Китай: если человек хочет заработать много денег, чиновники охотно идут навстречу его пожеланиям. При условии, что солидную долю требуемой суммы они расписывают по собственным карманам.

Да, у нас не Китай, и можно закладывать такую стоимость дороги, словно ее намерены устлать золотой плиткой и каждую вторую украсить бриллиантами. Только до золота ли, если в России сейчас чиновников больше, чем в насквозь забюрократизированном Советском Союзе. И большинство из них норовят поиметь свою долю с любого дела, любого замысла, имеющего к ним хоть малейшее отношение.

По традиции выгодный заказ следовало отметить. Делалось это, как всегда, в шикарном ресторане. Только шикарными ресторанами никого из их компании удивить было невозможно,

поэтому Тумасов заранее, будучи уверенным в результате тендера, позаботился о сюрпризе. Он предназначался только своим, поэтому ресторан закрыли на спецобслуживание. Илья Фридрихович долго выбирал, чем же ему удивить своих друзей. Но в пределах разумного, без умопомрачительных трат.

«В моей жизни будет еще много выигранных тендеров; если каждый раз выкидывать на ветер сотни тысяч, можно без штанов остаться», – думал Тумасов.

Ну, насчет штанов он сильно преувеличивал, но жаба душила. Поэтому Илья Фридрихович, изучая принесенный его помощником список, без колебаний отмел музыкальные номера. Каплунов однажды пригласил на их посиделки известного российского певца. Чтобы его переплюнуть, надо было звать раскрученную западную звезду, а отваливать гастролеру сумасшедшие деньги Тумасов не имел ни малейшего желания. Он внимательно просмотрел весь список и поставил жирную галочку напротив четырнадцатого пункта: «Кажется, это то, что надо. Такого у нас еще не было».

В назначенное время подтянулись гости. Одни, без дам. Если захочется, стоит только подать знак, и хоть весь ресторан заполнится представительницами прекрасного пола. Но пока они сидели вчетвером, и расторопный официант разливал по бокалам лучшее французское шампанское.

– За дорогу! И пусть она ведет тебя к новым успехам! – на правах лидера произнес тост Каплунов.

Он выпил свой бокал до дна, а вот плешивый и фронт только пригубили. Они не хотели мешать спиртное.

Завязался разговор, имевший мало отношения к причине банкета. Поскольку все они, кроме белобрысого, уже миновали пятидесятилетний рубеж, а толстяку пошел седьмой десяток, беседа после обсуждения разных мелочных тем коснулась здоровья.

– Просто беда. То там кольнет, то здесь стрельнет. А все почему. Работа у нас нервная, а чтобы попасть к нормальным врачам, надо лететь за тридевять земель. Да и те в последнее время слишком часто разводят руками. Мол, возраст, мы пока старость лечить не научились, можем только отодвинуть ее на пару лет, – пожаловался толстяк.

– Ну почему, и у нас есть хорошие врачи. Только их мало и отсутствует лечебная инфраструктура. Какие-то наисовременнейшие приборы закупить можно, но создать такую же клинику, как на Западе, со всеми прибабасами и компетентным обслуживающим персоналом нереально, – добавил Каплунов.

– Зато у нас есть настоящие целительницы. Я слышал о двоих, которые творят чудеса. Жаль, попасть к ним практически невозможно, они обслуживают только главных лиц государства и олигархов, – сказал белобрысый.

Собравшиеся тоскливо переглянулись. Хотя они уже потеряли счет своим миллионам, к олигархам их нельзя было причислить при всем желании.

– А ты лечись у кого попало, – вздохнул толстяк.

Видя, что разговор приобретает мрачные тона, Илья Фридрихович подал знак. Зазвучала восточная музыка, два официанта вынесли из-за тяжелой бархатной портьеры несколько стульев и нечто напоминающее огромный подсвечник, и на сцену выпорхнула миниатюрная азиатка. Для начала она села на шпагат между стульями, при этом ее ягодицы касались пола. Затем девушка выпрямилась и стала наклоняться назад. Каким-то чудом сохраняя равновесие, она сначала коснулась затылком своих пяток, а потом просунула голову и плечи между ног. Зрители встретили этот номер аплодисментами. Но это были мелочи. То, что творила девушка на «подсвечнике», вообще трудно поддавалось объяснению. Казалось, что у нее не было костей, а если и были, то могли изгибаться легко, словно резиновые. Именно такое впечатление создавалось у всех четверых. Когда азиатка закончила выступление, Каплунов поманил ее пальцем:

– Иди сюда!

Он взял ее руку и начал щупать, не доверяя своим глазам. Рука оказалась твердой, как у любого человека.

– Не резиновая. Ее можно сломать, – констатировал Олег Матвеевич, когда азиатка при слишком сильном нажатии поморщилась от боли.

Будто опровергая его слова, девушка вспорхнула на свободный край стола и скрутилась там, заняв едва ли больше места, чем коробка из-под мужских ботинок.

– Молодец! – Каплунов достал из кармана несколько пятидесятирублевых купюр. – Официант, цветов даме! Или чего еще она пожелает. И не вздумай зажить бабки, а то знаю я вас.

– Ну ты выдумщик, Илья Фридрихович, – белобрысый одобрительно посмотрел на Тумасова. – Это зрелище гораздо круче выступления стриптизерш. Хотя у стриптизерш есть свои плюсы. Не знаю, как вас, а меня блондинка удовлетворила по полной программе.

– Если поискать, в Москве найдешь тысячу похотливых блондинок. А много ли женщин, способных на такое! – возразил толстяк.

– Всего несколько человек в мире, – тут же уточнил Тумасов.

– И где ты нашел такое чудо? – поинтересовался Каплунов.

– Пусть это останется моим маленьким секретом, – улыбнулся Илья Фридрихович. – А сейчас вас ждет вторая часть представления.

Глава 10

Бушуев неторопливо складывал бумаги в деловой кейс. Ему устроили встречу с важным чиновником. Чиновник недавно побывал в Штатах, хозяин Дмитрия познакомился с ним, оказал маленькую услугу, и тот в качестве ответного жеста доброй воли согласился принять визитера. Бушуев надеялся, что не только принять. Дмитрий еще не обзавелся знакомствами в управленческом аппарате, но почерпнул немало информации из газет и Интернета. Выводы напрашивались сами собой. В России и ее столице имеется кучка людей, узурпировавших дорожно-строительный бизнес. Они не подпускают к строительству дорог новых людей. Но Бушуев, далекий от российской жизни, успевший сделать догмой американскую действительность, считал ошибочными, с претензией на сенсационность, главные выводы журналистов. Не чиновники, а сами дорожные магнаты душат на корню конкурентов. Ведь с бухты-барухты современную магистраль не проложить. Нужны материальная база, деньги, опыт, современные технологии. Все это есть у его компании и поможет им занять свое место на богатейшем местном рынке. Ведь если верить приводимым журналистами цифрам, один километр столичной дороги стоит гораздо больше, чем в любом из американских штатов. Тут, хорошо работая, можно отлично зарабатывать!

Воодушевленный собственными оптимистичными фантазиями, Дмитрий в отличном настроении явился в дорого обставленный кабинет. Сидевший там чиновник вопросительно уставился на Бушуева.

– Надо было заранее договориться о переводчике. Ай донт спик инглиш, – после слегка затянувшейся паузы сообщил он.

– Не надо переводчика. Я русский, – успокоил его Дмитрий.

– О, это упрощает дело! Тогда будем знакомы. Меня зовут Семен Михайлович Зудов, – сообщил хозяин кабинета.

Бушуев тоже представился. Завязался разговор, поначалу далекий от делового. Зудов восторженно отзывался об Америке в целом и своей командировке в частности, спросил у Дмитрия, хорошо ли он устроился в Москве, посетовал на чрезмерную столичную дороговизну и пробки. Наконец Бушуеву удалось перейти к интересующему его делу. Благожелательное выражение, не сходявшее с лица Зудова, мигом исчезло. Сухим, официальным тоном он сообщил:

– Вопрос чрезвычайно сложный. Его решение требует времени и дополнительного согласования.

– Но почему? – удивился Дмитрий. – Вы постоянно жалуетесь на отсутствие хороших дорог. У нашей компании большой опыт их строительства. Вот бумаги. Как специалист, вы легко убедитесь, что наше предложение сэкономит городу огромные средства, одновременно гарантируя высокое качество работ.

Чиновник взял бумаги так, словно они были пропитаны смертельным ядом. Встревоженный Бушуев напряженно ждал его решения.

– Бумаги замечательные, – криво улыбнулся Зудов, – но я не могу пойти на революцию. Наш народ устал от революций.

– Какую революцию? – изумился Дмитрий.

– Дело в том, что дорожные заказы распределены на несколько лет вперед. Невозможно отменить результаты тендеров и проводить новые. К тому же ваша фирма иностранная.

– Ну и что? Ваше правительство активно выступает за привлечение в страну передовых технологий.

– Согласен. Но мы же не о космосе ведем речь или этом... нанопроизводстве. Какие у дороги передовые технологии! При всем желании я не могу так сразу дать вам зеленую улицу.

Это будет нарушением закона. Я изучу ваши бумаги, проконсультируюсь с юристами. Если они дадут добро, станем решать вопрос об организации московского филиала вашей компании.

– Сколько это займет времени? Неделю, месяц?

– Да, юристам должно хватить месяца, хотя трудно утверждать это с полной уверенностью. И еще годик на утряску всех формальностей.

– Больше года! – воскликнул потрясенный Бушуев. – Да у нас мы бы уже через месяц работали!

– Охотно верю. Но вы, надеюсь, еще помните старую русскую пословицу «Со своим уставом в чужой монастырь не лезь». Поэтому давайте соблюдать наши российские законы. Всего хорошего.

После разговора Бушуев долго не мог успокоиться. Ну и порядки! За годы жизни в Америке он успел от них отвыкнуть. А здесь как был совок, так и остался. Изменение одно, небольшая кучка людей присваивает богатства страны уже в открытую, не прикрываясь разными лозунгами.

Приведя свои мысли в порядок, Дмитрий позвонил хозяину. Тот тоже не сразу поверил, что юристам нужен месяц для изучения каких-то двадцати страниц компьютерной распечатки.

– Впервые о таком слышу. Что за юристы, которым нужен месяц для работы, требующей одного дня? При таких темпах они должны перебиваться с хлеба на воду. Ладно, – наконец решил он. – Раз дело начато, его нельзя бросать на полпути. Тем более у нас некоторое затишье, можем какое-то время обойтись без твоей помощи. Оставайся в Москве, жди решения юристов. Заодно как можно больше разузнай о ситуации на дорожном рынке. Какова оплата работы, как распределяются подряды, планы строительства на ближайшие годы и так далее. Да ты все сам знаешь, зачем мне тебя учить. Ну и, само собой, постарайся выйти на юристов, простимулируй ускорение процесса. Только в разумных пределах, деньгами не швыряйся. Дай им тысячу, максимум две.

Легко сказать – выйди на юристов. А как это сделать, если самым близким для Дмитрия человеком в Москве был портье гостиницы? Так вышло. За годы жизни за границей Бушуев растерял всех своих друзей. Школьные приятели как-то подзабылись, за короткое время службы он тоже не успел ни с кем сойтись настолько близко, чтобы через много лет напоминать о своем существовании. Надо было искать другие варианты.

Дмитрий вышел на улицу. Нет, не в поисках вариантов, ему надоело сидеть в гостиничном номере и захотелось развеяться. Он уже осмотрел не самые многочисленные московские достопримечательности и теперь шел по городу, силясь понять, насколько тот изменился за минувшие годы. Случайно Бушуев забрел в какой-то двор и сначала решил, что у него галлюцинации после тяжелой беседы с чиновником. Но нет, присмотревшись, он понял, что огромный мужчина, выбравшийся из машины и тиснувший кнопку сигнализации, – это Андрей Подберезский. Постаревший, погрузневший, но все же он, его спаситель.

– Андрей! – воскликнул Бушуев.

Тот остановился и посмотрел на Дмитрия.

– Здравствуйте! Вы меня, конечно, не помните, но зато я вас никогда не забуду. Вы мне спасли жизнь... давно, еще в Афгане.

Подберезский окинул Бушуева внимательным взглядом.

– Не буду врать, я вас действительно не помню. Но я рад встрече с любым человеком, который был там, за рекой. Нас до сих пор связывает много общего. Порой больше, чем людей, много лет проживших на одной лестничной площадке, – тут Андрей неожиданно усмехнулся. – Очень хорошо, что мой поступок не пропал даром, и вы вернулись домой живым-здоровым. А то ведь могло случиться, что я вас спас, но душманская пуля настигла в другой раз.

– Я не возвращался домой, – признался Дмитрий.

– Да? А что так?

– Просто в другой раз около меня не оказалось таких людей, как вы и ваш комбат. Нас, салаг, окружили афганцы и начали громить из всех видов оружия. Мне повезло, меня ранило в руку, поэтому меня не стали добивать, а взяли в плен. Потом я оказался в Америке.

– Давно вернулся на Родину? – спросил Андрей.

– Да я не возвращался. У меня в Штатах дом, жена, работа. Сюда я приехал в командировку.

– И какие впечатления от увиденного?

– Бардак! – неожиданно для самого себя с чувством выпалил Бушуев.

– Что есть, то есть. Чтобы вытащить Россию-матушку из дерьма, нужно, как в сказке, три попытки. Одну сделал Петр. Не знаю, вторую, большевистскую, считать или нет. Наверное, да. Ведь попытались, хотя только еще больше нагадили. Осталась еще попытка, удачная. Но откуда у тебя столько злости на Родину? – Подберезский между делом перешел на «ты».

Бушуев рассказал ему о сегодняшней встрече с чиновником.

– У тебя есть свободное время? – практически без раздумий спросил Андрей.

– Конечно.

– Тогда садись в машину. Хотя нет, придется обойтись без личного транспорта. У меня есть знакомый журналист, как раз специализирующийся на чиновничестве и его связях с бизнесом. Он тебе все разложит по полочкам.

– А если он занят? – поинтересовался Бушуев.

– Это исключено.

– Почему? Он сейчас сидит без работы?

– Работы у него навалом. Но он всегда свободен, если прийти к нему с бутылкой нормального виски.

Все произошло, как говорил Подберезский. Услышав про любимый напиток, журналист без вопросов согласился на встречу. Польза от встречи вышла обоюдовойгодной. Журналист с огромным интересом выслушал рассказ Бушуева о встрече с чиновником и даже сделал несколько пометок.

– Зарисовки с натуры. Для оживления моих сухих логико-арифметических выкладок, – пояснил он и тут же принялся втолковывать Бушуеву: – Ты пойми, не будет никаких юристов. Тебя год промаринуют, а потом под благовидным предлогом дадут пинок под зад. У нас давно сложилась могущественная дорожная мафия. Все подряды распределяются, едва государство или мэрия задумывают очередное строительство. Там откаты в сотни миллионов и миллиарды прибыли. Стоимость работ завышается многократно. Кто же допустит постороннего к такой сытной кормушке? Ты про Костю Цзю слышал?

– Да. Это ваш, то есть наш, знаменитый боксер.

– Он великий боксер. Но даже его тормознули, когда он попытался строить в России дороги. Теперь подумай, кто ты, а кто Костя Цзю! И делай выводы, есть ли у тебя хоть малейшие шансы.

– Но я не понимаю! Нет, это просто невозможно! Если на строительство дорог выделяются государственные деньги, почему их дают разворовывать? Ведь об этом все знают, пишут разоблачительные статьи в газетах, Интернете. Неужели трудно найти виноватых?

– А их не надо искать, они на виду. Проблема в другом. У нас сложилось олигархически-чиновниче-мафиозное государство. Система очень удобная. Серьезные чиновники сами не воруют, они покрывают бизнесменов, обеспечивают им государственные заказы и за это имеют большие деньги. Просто огромные! Самим им столько не наворовать. Но иногда у нас случаются компании по борьбе с отдельными представителями чиновничества. Тебе повезло. По имеющейся у меня информации, президент хочет разобраться со строительством дорог. Ходят слухи, что он затребовал документы по ходу подготовки к Олимпиаде и случайно увидел стоимость одного километра трассы. Вроде бы он даже на время потерял дар речи. Теперь

заинтересованные граждане с трепетом ждут президентской речи. И он ее скажет, едва подвернется подходящий случай. Тут же, как у нас водится, погонят волну. Ты имеешь шанс проскочить на ее гребне. У меня имеются любопытные материалы. Я тебе их подгоню за следующей бутылкой вискаря.

– Шантажист, – буркнул Подберезский, разливая жгучий напиток.

Глава 11

– И это дорога? Это асфальт, я вас спрашиваю?! – кипятился мужчина в строгом костюме, совершенно неуместном на фоне развороченной земли, грязи, наваленных рядом груд щебня.

– Откуда он взялся на нашу голову? – удивлялись рабочие, успевшие забыть о таком понятии, как государственная проверка.

Разумеется, их проверяли, но только свое начальство. И больше на предмет трудовой дисциплины, исполнения графика. Такие мелочи, как качество, мало кого интересовали.

– Приперся из самого министерства, – прошептал самый посвященный. – Чей-то они засуетились, словно их жареный петух в одно место клюнул.

– Согласен, не асфальт, а дрянь. Но мы кладем то, что поставляет Изюмовский завод. Между прочим, половина наших дорог из такого асфальта, – оправдывался главный инженер.

– Тогда зачем берете, если вам известно их, с позволения сказать, качество?

– А куда деться? Мощностей других заводов не хватает, приходится закупать у изюмовцев.

– К тому же у них дешевле, – язвительно добавил проверяющий.

– Разница копеечная. Куда важнее то, что мы должны обеспечивать людей работой. Если отказаться от услуг Изюмовского завода, мы будем простаивать, перестанем платить народу деньги. Возникнет социальная напряженность.

– Демагогия. Вы бы лучше искали других поставщиков.

– Где? В Германии или Финляндии? Вот тогда действительно асфальт получится золотым. Лучше бы вы государственной властью разобрались с изюмовцами.

– И разберемся, – пообещал инспектор.

Знал бы инженер, что настоящим хозяином пресловутого Изюмовского завода является владелец его компании господин Тумасов.

История эта началась еще в то время, когда строительство дорог считалось делом мало-прибыльным, а при неудачном стечении обстоятельств сулящим крупные убытки. Илья Фридрихович, уже вполне освоившийся в новом бизнесе, обзаводился связями в этой среде. Поэтому встреча с директором Изюмовского завода, считавшегося тогда нормальным предприятием, не лучше, но и не хуже остальных, казалась весьма обычной. В завязавшейся беседе директор как бы шутя пожаловался:

– Хорошо топливной отрасли. Теперь частники вкладывают деньги в свои предприятия, развивают их.

Илья Фридрихович, хотя и сам являлся частником, возразил в том духе, что лишь малый процент новых владельцев модернизирует доставшееся им наследство, остальные спокойно эксплуатируют оборудование еще советских времен и очень этим довольны.

– Потому что сейчас так выгоднее, – объяснил директор. – Как только вопрос модернизации станет насущной потребностью, частник в лепешку разобьется, но сделает это. А нам, государственному сектору, приходится дожидаться своей очереди на финансирование, которая может тянуться десятилетиями.

– Неужели на ваш завод не было покупателей? – удивился Тумасов.

– Серьезных – нет. Возникали на горизонте шарлатаны и какие-то опереточные бандиты, но с ними успешно разобрались.

– А сколько, ради интереса, стоит завод?

Директор назвал цифру.

– Многовато будет, – отреагировал Илья Фридрихович.

– Да что вы! Вполне божеская цена. Одна земля тянет на половину названной суммы. Плюс сам завод, оборудование, налаженное производство.

– Устаревшее еще при царе Горохе. Вы же сами говорите, что ждете реконструкции как манны небесной. Тут я с вами полностью согласен. Ваши смеси, мягко говоря, далеки от идеала. Говорю вам это как человек, немного разбирающийся в сути вопроса, изучавший его в нескольких европейских странах.

– Да знаю я! – болезненно поморщился директор. – Сам бы давно многое у себя поменял, да нет денег. Просто хочу напомнить, что при наличии этих самых денег начинку легко обновить, а инфраструктура для потенциального собственника уже построена. Ему будет достаточно ограничиться ремонтом в ходе смены оборудования.

– Мелкий ремонт, говорите? А что насчет очистных сооружений?

Тумасов угодил в точку. Директор снова поморщился:

– Да, вы правы, у меня уже куча разных предписаний и замечаний. Держимся исключительно благодаря государственному статусу. Кое-что меняем, добавляем новые фильтрационные установки. Хотя по уму надо все строить заново.

– А очистные сооружения порой обходятся в треть стоимости всего объекта, – меланхолично заметил Тумасов.

Однако за видимым безразличием скрывалась готовность к действию. Илья Фридрихович направил в Изюмовск опытных специалистов. Тогда он еще не греб деньги лопатой и старался по возможности экономить. Отчеты экспертов настроили его на оптимистический лад. Завод еще несколько лет мог проработать без крупных финансовых вливаний. Беспокорившая Тумасова очистная система требовала лишь частичной переделки. Разумеется, при тех же нескольких годах эксплуатации. Илья Фридрихович решил. И тут внутренний голос подсказал ему, что покупку лучше завуалировать, использовать подставное лицо. В тот момент Тумасов не находил этому логического объяснения. Ведь он реально собирался модернизировать завод, ввести современные западные технологии. Но плох тот бизнесмен, который игнорирует свое шестое чувство. Особенно отечественный бизнесмен, зачастую некомпетентный и регулярно полагающийся исключительно на интуицию.

У Ильи Фридриховича был дальний родственник, человек бескорыстный, насколько это возможно в наше время, и верный, неспособный на предательство. Причем о нем знали считанные люди. Тумасов назначил родственника хозяином предприятия с соответствующим для такой должности окладом. Сама покупка завода прошла гладко. Проинструментированный экспертами Ильи Фридриховича, родственник указал на скрытые дефекты товара и добился некоторой скидки.

Первые годы все шло, как задумал Тумасов, только опережающими темпами. В стране, прикормленной нефтедолларами, набирал мощь строительный бум. Резко выросли прибыли как строительной компании Ильи Фридриховича, так и самого завода, работавшего с полной загрузкой. Пересчитав свободные финансы, Тумасов ангажировал парочку известных западных экспертов. Те, угодив на Изюмовский завод, поначалу долго изумлялись. Они бы еще могли понять, происходи дело в Нигерии или Гондурасе. Но чтобы в России, имеющей передовые космические технологии, сохранилось такое допотопное производство, им верилось с трудом. В оправдание экспертов надо сказать, что они впервые работали на территории бывшего СССР. Они добросовестно взяли все пробы и отослали в австрийскую лабораторию. Они облазили весь завод от подвала до крыши. Они только не купались в очистных сооружениях. Когда пришли результаты анализов, эксперты сутки безвылазно просидели в гостинице. Результатом их затворничества стали подробнейшие рекомендации по модернизации производства с указанием ориентировочной стоимости всех работ. Изучив петицию, Илья Фридрихович с чувством выматерился. Он знал, что дело запущено, но чтобы настолько! Эксперты забраковали все, включая поступающее на завод сырье. Оно требовало дополнительной очистки. Из оборудования они соглашались оставить лишь кухонные плиты в столовой, да и то потому, что это было не в их компетенции.

Откровенно говоря, денег у Тумасова хватило бы. Он бы мог превратить завод в конфектку, предприятие, выпускающее продукцию мирового уровня. Кстати, как и многие отечественные бизнесмены-мультимиллионеры. Но он не видел в этом смысла. Реконструкция требовала полной остановки. Значит, Илье Фридриховичу грозили новые существенные убытки. А кто оценит его старания, кто поймет, кто, в конце концов, должным образом ими воспользуется? Тумасов видел, как прокладывают в стране дороги, сам был такой же. При существующем подходе даже лучшие материалы едва ли исправят положение. Все сгубит желание срубить максимум бабок при минимуме затрат. Так зачем метать бисер перед свиньями? Тем более если этот бисер станет в копеечку! Лучше не высовываться, оставаться гадким утенком, оставив мысли о превращении в прекрасного лебедя.

Конечно, главной причиной стало желание Ильи Фридриховича зарабатывать, а не тратить. Типичная болезнь для преуспевающего бизнесмена. Предприниматель ищет любые способы зашибить деньгу с непонятной для нормального человека маниакальной страстью. Казалось бы, он уже заработал столько, что хватит на красивую жизнь ему самому, детям, внукам и правнукам. Так остановись или хотя бы используй только честные способы заработка. Зачем в погоне за миллионом, который округлит твои капиталы до красивого числа 100000000, хитрить, воровать, губить жизни другим людям? Но нет, бизнесмен идет на все, лишь бы его капиталы увеличивались ежедневно.

В данной ситуации Тумасов никого не убивал непосредственным образом. Вот только продукция Изюмовского завода мало способствовала улучшению качества отечественных дорог. Скорее наоборот. И по большому счету Тумасов нес ответственность за гибель людей, разбившихся из-за серьезных дефектов дорожного покрытия. Только он этого не чувствовал. Зато чувствовал, как ежедневно, ежечасно прирастает его богатство. И благодарил свою интуицию за то, что она подсказала ему использовать подставное лицо. Теперь упреки за безобразный асфальт адресовывались постороннему человеку. А Илья Фридрихович оказывался в стороне. Более того, он мог списывать на таинственного владельца Изюмовского завода дефекты в собственной работе. Что с успехом и делал!

Глава 12

Рублев посмотрел на экран зазвонившего мобильного. Там высветился номер Подберезского.

– Здорово, Андрюха! – сказал Борис.

– Здравствуй, Комбат! Как жизнь?

– Нормально, пока не жалуясь.

– Еще бы! Жалоб от тебя мне не доводилось слышать. Иваныч, у тебя в ближайшее время найдется свободный вечер?

– Смотря для чего.

– Я повстречался с одним человеком, бывшим афганцем. Он служил в другой части, но однажды мы с ним вместе били духов. Ему очень хочется увидеться с тобой.

– Ты же знаешь, Андрюха, афганцам я никогда не отказываю. Приду обязательно.

Борис, привыкший к тому, что встречи бывших однополчан проходят в широком кругу, слегка удивился, увидев у Подберезского всего одного человека, мужчину лет сорока. Когда Рублев зашел в квартиру, мужчина чуть смущенно улыбнулся:

– Здравствуйте, Борис Иванович! Меня зовут Дмитрий Бушуев. Когда-то ваш батальон пришел на выручку нашей части. Тем самым вы спасли мне жизнь.

– Знаете, Дмитрий, на войне, когда сражаешься бок о бок с другими людьми, скорее надо говорить о взаимовыручке. Я помню как минимум два случая, когда мне самому спасали жизнь. И уверен, что это лишь малая часть. Вот представьте, в тебя целится снайпер, о чем ты даже не подозреваешь. И тут его накрывает метко выпущенный пушечный снаряд. Твоя жизнь вне опасности, но, если ты случайно встретишь потом этого артиллериста, разве придет тебе в голову назвать его своим спасителем?

– Ладно, Комбат, хватит торчать в прихожей, идемте за стол, – вмешался Подберезский.

– Честно скажу, Борис Иванович, я бы вас сейчас не узнал, – признался Дмитрий. – Вот Андрея вычислил мигом, хотя много лет прошло. Впрочем, тут мне было проще, мы с ним тогда сражались плечом к плечу. А вас я видел только издали и всего несколько минут.

Подберезский разлил водку, в том числе и Бушуеву, предпочитавшему виски. Из уважения к Борису Дмитрий решил тоже употреблять отечественный напиток. Первую рюмку традиционно пили за ребят, навсегда оставшихся за рекой. Тут же пустились в воспоминания, тем более что за столом оказался свежий человек. Со своими-то уже давно обо всем переговорено. Услышав про злключения Бушуева, Комбат тяжело вздохнул:

– Я еще в Афгане говорил и сейчас бы не стал повторять, если бы мы в Чечне не наступили на те же грабли. Раз уж приспичило бросать в бой молодых, сначала их толком обучи и поставь бывалых офицеров. Опытный командир всегда найдет правильное решение и сумеет рассчитать силы. А то был у нас случай, когда всего неделю назад приехавший в Афган капитан бросил свою роту против четырех сотен духов. Понадеялся на превосходство нашего оружия. Как будто афганцы воевали каменными топорами. Конечно, танки и авиация многое значат. Но если говорить о стрелковом оружии, то у большинства духов были такие же «калашниковы» и очень приличные ручные пулеметы с минометами. Духи расколошматили его роту так, что ее сразу отправили на переформирование. Хороший офицер сумел бы сохранить ребят. На любой войне, прежде чем затеять бой, нужно создавать превосходство в численности и вооружении.

– Можно подумать, Комбат, что ты всегда придерживался этого правила, – заметил Подберезский.

– Понимаешь, Андрюха, у нас ведь была элитная часть. Если вспомнишь, нас часто бросали на выручку своих или захват стратегически важных точек. Когда уж тут думать о всех правилах военного искусства. Надо было выполнять задание.

– Согласен, Иваныч. Когда представлялась такая возможность, ты старался обрушиться на противника всеми силами и уничтожить его, избегая потерь.

– Верно говоришь, Андрей. Старался, хотя не всегда получалось, – заметил Рублев и неожиданно сменил тему. – Вот теперь американцы увязли в Афгане. Думали, что у них получится лучше, чем у нас. Раскатали губу. Есть такие нации, которые легче уничтожить, чем покорить. Афганцы из их числа. Они готовы воевать против любого чужеземца, даже если он приходит в их страну с красивыми лозунгами, типа мы подарим вам свободу и демократию. А у самих афганцев спросили, хотят ли они демократию? Или им дороже привычный жизненный уклад? Стоило бы для начала в этом разобраться.

– Американцам, с одной стороны, легче, а с другой труднее, – заметил Бушуев. – У них есть опора среди части афганской политической элиты. Опосредованно их союзниками является значительная часть населения. Но они вынуждены действовать исключительно по ситуации, избегать предупредительных мер. Допустим, они знают, что какая-то деревня поддерживает талибов, но у них нет доказательств. И они вынуждены делать вид, будто все нормально.

– У нас тоже чаще закрывали глаза на скрытых помощников духов. Хотя известны несколько случаев, когда офицеры устраивали маленькие афганские Хатыни. Помнишь, Иваныч, историю с Буйносовым?

Комбат помнил. Буйносов командовал ротой, входившей в состав их дивизии. На горной дороге роте устроили засаду. Духи, сделав несколько выстрелов из автоматов и гранатометов, успешно ретировались. Парочка бойцов, успевших за время службы превратиться в хороших следопытов, определила, что атаковавший их отряд численностью около десяти человек вышел из близлежащей деревни. Увидев русских солдат, духи заняли в горах удобную позицию с хорошими путями отхода и обстреляли роту. По роковой случайности одна из пуль угодила в голову старшему лейтенанту, лучшему боевому товарищу Буйносова. Тяжелая утрата наполнила душу ротного не только скорбью, но и жадной мести. Он приказал вывести жителей деревни на площадь и устроил допрос. Буйносов был уверен, что у духов в этой деревне имелись родственники, возможно родители, жены, дети. На них ротный был готов обрушить свою месть. Но крестьяне молчали. Даже самые жестокие угрозы не заставили их говорить. И тогда Буйносов приказал солдатам открыть огонь. Свидетели расстрела потом долго мучились от кошмарных снов, хотя успели на войне повидать всякого. Больше сотни крестьян стали жертвами мести ротного.

– Если забыть о гуманизме, то в такого рода войнах лучше тактики «выжженной земли» ничего не придумано. Ну как по-другому нейтрализовать людей, которые днем мирно работают, а с наступлением темноты достают из тайника автомат и стреляют в спины солдатам? Только уничтожая потенциальных врагов, – сказал Бушуев.

– Есть другой вариант. Держать свою армию дома, готовую к отражению чужих войск, – возразил Комбат. – Думаю, ты был бы не против остаться в Москве, или сладкая американская жизнь стоила ужасов твоей афганской эпопеи?

– Сладкая она только в голливудских мыльных операх. На самом деле приходится много вкалывать, чтобы достичь нормального уровня жизни. Я ведь начинал простым рабочим, вечерами зубрил учебники, экономил каждый цент. Знаете, почему я стал дорожником?

– Пока нет.

– Не было другого бесплатного вуза. А платить за учебу я не мог. До сих пор завидую людям, которые выбрали работу по душе. Моя профессия обеспечивает лишь мои физические потребности, а не духовные.

– Красиво сказал. Видимо, накипело, – предположил Андрей.

– В каком-то смысле – да, хотя главного в своей жизни я добился. Получил высшее образование, стал одним из ведущих специалистов в своей компании. На самом деле приезжому из бедной страны добиться в Штатах благосостояния вполне реально. Американцы выстроили

систему, отлаженную, хорошо работающую и позволяющую встраиваться в нее любому человеку. Сами они уже начинают развращаться сытостью, воротят нос от грязной работы. Особенно коренные афроамериканцы.

– Афроамериканцы? – с наигранным удивлением спросил Комбат. – Ты имеешь в виду негров?

– У нас не принято так говорить. Но я же не в Америке. Так вот, негры уже не те, что когда-то работали на плантациях. Я около года тому назад в иллюстрированном спортивном журнале прочел занимательную статью. Автор сетовал на то, что в профессиональном боксе американцы утратили доминирующие позиции. И находит этому объяснение. Костяк американских боксеров составляли негры. Они валом валили на ринг, где профессионалы зарабатывали большие деньги. Но появился рэп, и негры мигом смекнули, что те же деньги можно получать, выкрикивая со сцены разные сомнительные тексты и дергаясь при этом, словно взбесившийся гамадрил.

– Что вполне соответствует их натуре, – вставил Подберезский.

– Так какой резон заниматься боксом, изнурять себя ежедневными тренировками, да еще регулярно получать по физиономии? Рэп как-то менее хлопотно и безопаснее.

– А воротили американского шоу-бизнеса тут же принялись крутить рэп по всем каналам, внедряя его в сознание неопределившейся молодежи, чтобы бедные афроамериканцы, которые негры, зарабатывали себе на жизнь. Политкорректность в действии, – завершил Рублев мысль Дмитрия. – Интересно, когда негров станет больше половины населения Штатов, будут ли они так же деликатно относиться к белым?

– Трудно сказать. У нас многие задают себе такой вопрос, однако ни одно ток-шоу не отважится его обсуждать. Из-за той же политкорректности.

– Ну ладно, с твоей американской жизнью мы разобрались. А что привело тебя обратно на родину? – спросил Комбат.

Бушуев вкратце поведал о своих злоключениях.

– А как ты думал? Ворваться в отечественный бизнес на лихом коне? У нас так не бывает. Тут уже давно все куплено, схвачено и поделено. Ну да что я лезу со своим мнением. На эту тему надо с Андрюхой говорить, он у нас в некотором смысле бизнесмен.

– Я уже говорил. Андрей свел меня с одним человеком.

– Ну раз свел, значит, у твоей проблемы есть шанс сдвинуться с мертвой точки.

Глава 13

В просторном гараже находилась маленькая будочка, сваренная из металлических листов, с крошечными окошками на каждой стороне. В будке сидели двое – мужчина предпенсионного возраста и парень лет двадцати пяти. Они разложили на столе импровизированный обед: бутерброды, огурцы, помидоры. Мужчина, кроме того, достал термос и эмалированную миску, в которую налил из термоса дымящийся суп.

Молодой человек ухватил бутерброд и откусил от него едва ли не треть.

– Эх, молодежь, молодежь. Вам хоть каждый день говори, все равно делаете по-своему. Обязательно надо убедиться в правоте старших на собственном горьком опыте. Понимаю, сам был когда-то таким же дурным.

– Это вы насчет супа, дядя Гриша?

– И насчет супа тоже. Я в твои годы на заводе работал, там была столовая. Только какое питание в рабочей столовой? Умные люди постарше брали обеды из дома, а я над ними только посмеивался. Вот и досмеялся до язвы. Думаешь, твои бутерброды лучше? Не зря говорят «Береги здоровье смолоду».

Мужчина доел суп, взял бутерброд с куском постного мяса. Запил он еду чаем из второго термоса и закурил сигарету.

– Вот вы, дядя Гриша толкуете мне насчет здоровья, а сами курите. Разве это можно при вашей язве?

– Конечно, нельзя, только нет сил бросить. Стараюсь курить меньше, штук по десять в день. А ты смалишь, как паровоз. Все, обед закончен, сейчас явится клиент.

Они вышли из будочки. Освободившееся место тут же заняли двое других. Распахнулась дверь гаража, на пороге оказалась хорошо одетая женщина.

– Беда с этими бабами, – вздохнул на ходу мужчина, направившись к женщине.

– Как моя красавица? – спросила та.

– В полном порядке. Можете хоть сейчас ее забирать.

– Сначала посмотрим, – сказала женщина, подходя к серебристой «тойоте короле».

– Давайте, – согласился мужчина и подал знак напарнику: – Открывай ворота.

Женщина уселась за руль, мужчина пристроился рядом. Вернулись они минут через десять. Повеселевшая женщина отправилась в кассу, а мужчина угрюмо посмотрел на напарника:

– Я же говорю, беда с этими бабами. Ни черта не понимают, так растопырят уши и слушают. Не звякнет ли где, не брякнет ли? Я их манеру хорошо изучил, убираю из машины все железки. Объясняй потом, что это не детали из мотора сыпятся на ходу, а инструменты в багажнике плохо закреплены и звякают друг о друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.